

The image features a person's silhouette standing with their back to the camera, looking out a large window. The scene is dimly lit, with light coming from the window. In the foreground, a folding knife with a black handle and a silver blade lies on a light-colored, textured surface. The blade has a red glow at its tip. The title 'ЗАТКНИСЬ' is written in large, bold, red Cyrillic letters across the middle of the image.

ЗАТКНИСЬ

Алёна Шабунина

Алена Шабунина

Заткнись

«Автор»

2026

Шабунина А.

Заткнись / А. Шабунина — «Автор», 2026

Петербург, наши дни. Молодой учёный Илья Аксенов просыпается в больничной палате после попытки самоубийства. Он отчётливо помнит, что действительно пытался себя убить, помнит, что писал предсмертную записку, но совершенно не помнит и не понимает, зачем мог захотеть подобное совершить. Он выясняет, что его семья (жена и маленький ребенок) бесследно исчезли, более того, врач в больнице сомневается в самом факте, что они когда-либо существовали. Илью явно принимают за сумасшедшего и поэтому не выпускают на свободу, однако сам он уверен в собственной вменяемости и намерен доказать это всем, если получится, выбраться, но главное - по-настоящему не сойти с ума.

© Шабунина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Заткнись	5
Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Маша	18
Глава 4	18
Глава 5	22
АНТОН	30
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Часть 2	41
Глава 10	41
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алена Шабунина

Заткнись

Заткнись

Часть 1

Илья

Глава 1

Солнце жгло мне веки, а, когда я открыл глаза, не давало сфокусировать взгляд, палило прямо в незашторенное окно и будто бы злорадно улыбалось, вытаскивая меня из сновидения – не сказать, чтобы сладкого, но уж точно менее мучительного, чем реальность – руки казались чужими, а голова раскалывалась.

И все же я чувствовал кое-что посильнее боли, и чувство это заставляло меня хмуриться и упрямо, наперекор режущему глаза свету разрывать слипшиеся веки. Это было удивление: откуда могло взяться солнце? Ведь, когда я засыпал, кажется, была зима. Наша питерская зима: промозглая, сумеречная, бесснежная. Сейчас же солнце светило слишком щедро для здешних мест, нагревая воздух так, что по моим вискам струился пот, и душно было, будто меня заперли в кладовке.

Я приподнялся на локтях (опираться на них было больно), качнул головой в сторону и тут же опустил обратно: перед глазами замелькали желтые и черные пятна, а в черепной коробке словно бы передвинулся с места на место огненный шар, прожигая этим движением мне виски и затылок, как каленым железом. Я хотел лишь осмотреться, но боль, вспыхнувшая в затылке, не позволила мне увидеть ничего, я заметил лишь белый потолок в трещинах, да голубые крашенные стены.

«Казенный дом» – мелькнуло в голове выражение из бабкиных гаданий. Господи, где же я?!

Постепенно боль начала затухать, и я смог-таки осмотреться: обшарпанные стены и, помимо моей, еще пять коек. На самой дальней неподвижно лежал старик (вроде бы крепко спал, но, кто знает, может, и умер), все остальные койки стояли пустыми.

«Больничная палата» – ответ свалился мне на голову бетонной плитой: не принес ни капли облегчения, а лишь добавил тревоги.

Я попытался пошевелить пальцами рук, но они меня плохо слушались: кончики пальцев онемели, а движения кисти что-то сковывало. С немалым усилием я заставил себя поднять руку и поднести ее к глазам. Ладонь выглядела белой и огрубевшей, будто ее использовали для стирки белья. Но куда больше меня изумило другое: запястья были перебинтованы!

Я чуть было не рассмеялся. Вид моей руки вызвал непростое воспоминание из юности. Я, еще студентом, решил так вырядиться на Хэллоуин, подумал, что буду выглядеть стильно и эпатажно, эдакий хэллоуинский минимализм. В общем, я явился на вечеринку в своей обычной одежде, лишь закатав рукава, и весь мой костюм заключался в том, что запястья свои я обмотал «кروавыми» бинтами.

Смотрелось жутковато, и многие тогда похвалили мою элегантную задумку, но теперь я просто не мог справиться со смехом, глядя на эти совершенно настоящие, реальные бинты. Это же был какой-то абсурд, полное безумие!

Смех, правда, вырывался из моего рта в виде слабого хрипа – смеяться было больно. Оттого довольно скоро я утомился и притих.

И все же издаваемые мной звуки привлекли чье-то внимание в коридоре, поскольку в палату влетела молоденькая сестричка в белом брючном санитарском костюмчике и подбежала ко мне.

Дотронуться до меня она словно бы не решалась, помялась с мгновение у моей койки и пролепетала

— Ну как вы? Очнулись? — она явно не ожидала моего ответа, поскольку тут же сама себе кивнула и выскочила за дверь.

Спустя какое-то время вошел низенький, едва переставляющий ноги старик в белом халате. Подойдя ко мне, словно бы с неохотой, он безо всякого интереса осмотрел меня: пощупал пульс, посветил в глаза фонариком, задал несколько вопросов и, безразлично кивнув на мою просьбу об обезболивающем, покинул палату.

Мне стало неудобно, я пожалел, что сам не засыпал его вопросами, но боль в голове не давала нормально соображать. Мне захотелось пить и наоборот, но ни крикнуть, ни, уж тем более, встать я просто не мог. Я в раздражении уставился на потолок и принялся ждать, пока хотя бы одна душа удосужится обо мне вспомнить.

К счастью, девочка-сестра вернулась довольно скоро, в руках она несла железный поднос со шприцем, заполненным какой-то ядовито-желтой жидкостью. Я принялся перечислять сестре свои наиболее острые потребности, но она только покачала головой:

— Потерпите с минуту, — ласково сказала она мне, будто говорила с ребенком, — доктор сказал, что укол быстро подействует, и вы сможете самостоятельно посетить уборную. А воды я вам принесу.

Она снова убежала, а я опять стиснул зубы и принялся ждать, приготовившись терпеть долго. Но боль, действительно, почти сразу начала отступать. Когда сестричка вернулась со стаканом воды, я уже смог приподняться, взять в руку стакан и, слабо удерживая его, выпить целую половину.

Это были первые приятные ощущения за сегодня: отступающая боль, возвращающаяся в тело сила, падающая в пересохшее горло вода.

С помощью девчонки-медсестры я смог сначала сесть, а потом встать и медленно выйти из палаты. Я опирался на ее хрупкие плечики и видел только маленький русский затылок. Мне подумалось, что жизнь всегда так нелогична: в самые непростые ее моменты, опорой нам становятся отчего-то самые слабые. Что бы я сейчас делал без этой хрупкой девчонки?

В туалете я выставил барышню за дверь, хоть она и пыталась спорить, но я уже мог, опираясь рукой о стену, худо-бедно справиться самостоятельно.

Вернувшись в постель, я допил свою воду и, пока девушка не ушла, принялся задавать ей вопросы: давно ли я здесь, что со мной стряслось и почему ко мне не пускают родственников. Спросил, у них ли мой телефон и могу ли я получить его назад, чтобы хоть как-то связаться с родными. Но она только отводила глаза, твердила, что не знает про меня никаких подробностей, что мне придется дожидаться своего лечащего врача, который придет только в понедельник (сегодня, как выяснилось, была суббота), а до тех пор ко мне будут приходить только дежурные доктора, которым тоже про меня ничего не известно.

Я начал сердиться. По правде говоря, я уже готов был отправиться самолично на сестринский пост, требовать заведующего или главного врача, чтоб мне предоставили хоть какую-то информацию и обеспечили связью с женой, но силы внезапно оставили меня. Видимо, гнев, вспыхнувший во мне, истратил на себя весь их остаток. Заметив это (что я капитулирую),

девушка поспешно пробормотала, что скоро принесет мне еще лекарств и капельницу, пообещала, что вечером мне даже дадут поесть, после чего, не задерживаясь больше ни на секунду, вышла из палаты.

Я остался один (старик на дальней койке так и не шевелился), откинулся на подушку. Слабость одолела меня, но боль, к моей радости, пока не возвращалась, отчего мысли принялись всплывать на поверхность сознания с бешеной скоростью и в огромном количестве, будто мелкие камешки в шторм.

Откуда, черт возьми, эти бинты?! Я, что, резал вены?! — наконец-то я сформулировал самый главный вопрос. Я не мог! Не должен был! Ничего не предвещало! И все-таки что-то внутри меня уверенно твердило, что все было именно так: я сам, своими руками вскрыл себе вены. Обрывки воспоминаний всплывали в моей голове, я помнил ванну, помнил бритву. И, кажется... Господи, кажется, я даже помнил записку!

Я перевернулся на бок и уставился в окно. Солнце пошло на спад, но было еще светло. Небо теперь куда больше напоминало питерское – сероватое, смурное. Я нахмурился: я написал записку? Но зачем?! Хоть убей, я не мог вспомнить, зачем я мог захотеть покончить с собой. И еще средство такое выбрал – резать вены. Больно и ненадежно. Какая-то чушь, Господи!

Ответы не шли. Я помнил ванну, бритву, записку (но никак не мог вспомнить текст), и больше ничего! Сплошная пустота! При том, что жизнь моя в последние месяцы наконец стала вполне благополучной, обрела стабильность.

Сын чуть подрос и уже не просыпался каждый час по ночам, и мы с Надей смогли хоть как-то выспаться. Оттого сразу стало легче, перестали ссориться. А ведь первое время после роддома было полным кошмаром! Надя боялась за мелкого, все время плакала, не знала, чего ждать от него и как с ним обращаться. Да я и сам, что уж, паниковал: такой крошечный малыш, что можно запросто ему что-то сломать ненароком, а как и что с ним делать я ведь не смыслил ни шиша. Вот мы и собачились, поскольку оба до чертиков боялись, и оба не знали, как быть. А Славка орал, как резанный, каждую ночь, и мне при всем этом еще и на работу надо было как-то вставать.

В общем, все вроде бы как у всех, и все-таки сложно. А в последние месяцы дело пошло на лад. Слава уже меньше плакал, улыбался, гулил. Ну и Надя успокоилась. Снова стала внимательнее ко мне, перестала раздражаться по пустякам. Нормальный сон – и на работе у меня тоже все пошло в гору.

Так что я был доволен, любой подтвердит. Откуда этот бред со вскрытием вен?!

Дверь открылась, и снова появилась тоненькая фигурка медсестры. Она несла поднос с едой: щи и тушеную картошку. Сказала, что в первый день ей положено мне помогать.

Я уже не сердился на нее и был даже рад ее появлению. Она помогла мне сесть, пододвинула ко мне еду (столешница тумбочки ездила туда-сюда, превращаясь из тумбочки в столик для завтраков), хотела кормить, но я отказался – ложку в руках я кое-как мог удержать.

— Как тебя зовут-то? — спросил я, улыбнувшись. Смешно было, что вот эта девочка, еще вчера студентка, с круглым лицом, зеленоватыми глазами и русым хвостиком, как у школьницы, сегодня явилась моим спасением, единственной моей связью с реальностью, с настоящим миром.

Сделав строгое лицо, девчонка церемонно ответила:

— Анна.

Я усмехнулся и спросил с притворной строгостью:

— Жена моя не приходила? Небось, скандал устроила, что не пускают? И почему пустить-то нельзя? Она наверно на стенку лезет, переживает. Нельзя же так!

Аня (я так ее сразу про себя назвал), на мгновение уставилась на меня – в глазах ее как будто мелькнуло удивление – затем тут же отвернулась.

— Простите, но у меня нет никакой информации, — смущенно сказала она и развернулась, чтобы идти. — Если вы сами справляетесь, то мне к другим пациентам надо! Вы здесь все оставьте, я тарелки потом заберу!

Я кивнул, не желая ее удерживать, и она выскользнула за дверь.

Еда была пресной, но я съел все подчистую, видать, не ел, действительно, давно. И, лежа рядом с пустыми грязными тарелками, снова принялся было размышлять над произошедшим, но мысли путались, казалось, будто они, как нити, выскальзывают из моих рук и сами по себе закручиваются в новый, еще более запутанный клубок.

В палате темно, и никто не спешил включать электрический свет, грязные тарелки так и сохли на тумбочке рядом со мной. Я больше не мог противостоять усталости и закрыл глаза.

Проснулся я на следующий день уже под капельницей, мне, очевидно, ее поставили пока я спал. Когда я открыл глаза, то увидел, что, помимо меня, в палате больше нет ни одной живой души: даже старика, неподвижно лежавшего весь вчерашний день на дальней койке, по всей видимости, унесли. Все кровати были пусты, на них лишь лежали скрученные в рулон старые, покрытые пятнами матрасы, да прохудившиеся подушки без наволочек.

Боль, к счастью, так и не вернулась, и, несмотря на очередной долгий и подозрительно глубокий сон, я мог соображать вполне связно.

Я сам вытащил иглу из вены, встал и направился в уборную. Меня никто не остановил, но и помощи мне никто предлагать не стал, хотя я передвигался с трудом. По коридорам сновали другие больные и незнакомые мне медсестры.

Вернувшись в палату, я обнаружил мужчину в белом халате, который, ожидая меня, в раздражении постукивал ботинком по полу. Как и вчерашний врач, он наскоро проверил мои рефлексы, осмотрел меня и, не удостоив ответом ни один из моих вопросов, убрался вон.

Вчерашняя сестра Аня больше не появлялась, забирать капельницы приносить лекарства и еду приходила хмурая пожилая медсестра. Она также сделала мне укол, со злостью вонзив в меня иголку, как копье в противника, а после появлялась только, чтобы принести обед и забрать грязную посуду. Мои вопросы она игнорировала полностью.

Весь день я провел, пялясь в грязное оконное стекло и покрытый трещинами серовато-белый потолок. Я снова пытался выстроить в ряд свои воспоминания, нелогичные противоречивые, пытался извлечь из них хоть какой-то смысл, найти им пусть даже невероятное объяснение. Я хотел принять решение: а стоит ли мне честно рассказывать о своих мыслях врачам, ведь, если даже я сам сомневался в их связности, посторонним они могли и вовсе показаться безумными?

Еще я понял, что здесь вряд ли найдется тот, кто окажется на моей стороне, и если проще всего будет решить мой вопрос, направив меня прямо отсюда в психушку, за формальностями дело не постоит. Я решил, что мне стоит быть осторожным, здесь царили безразличие и враждебность, а я был совершенно один. И, кто знает, вдруг именно в этот момент в этой разваливающейся больнице, в пустой, грязной, одинокой палате решалась моя судьба?

Глава 2

Врач явился на следующее утро. Я еще спал. Не слишком любезно он несколько раз потряс меня за плечо, а, когда я с трудом разомкнул веки (сон, как и накануне, был тяжелым и очень глубоким), сухо велел мне сосредоточиться и приготовиться к осмотру.

Я протер глаза и попытался сесть. Опираюсь на руки все еще было больно, но я почему-то хотел быть послушным, хотя, когда я окончательно стряхнул с себя дрему и рассмотрел визитера, желание быть послушным исчезло начисто.

Это был не врач. Белый халат, папка в руках, ручка в кармане — это все было. Но он не мог быть настоящим доктором, поскольку напротив меня, без преувеличения, сидел ребенок!

Пацан. Плюс-минус, ровесник Ани, девочки-медсестры. Ему было от силы двадцать два, он даже до интерна не дотягивал. Гладкое лицо, которого еще ни разу не касалась бритва, светлые волосы, собранные в идиотский хвостик на макушке, как теперь носят подростки, лицо смышленного школьника.

Я опешил. Это было похоже на глупую шутку. И все-таки, вот, пожалуйста: я в богом забытой больнице, как видно, после неудачной попытки самоубийства, а мой лечащий врач – ребенок. Интересная ситуация!

Я откашлялся и уставился на лекаря ожидая, что он начнет по анкете задавать мне вопросы.

Парнишка поерзал на своем стуле и сделал забавный жест, как будто трет усы, после чего насмешливо посмотрел на меня и довольно дерзко произнес:

— Зачем вы это с собой сделали, Илья Алексеич, позвольте поинтересоваться? — голос его был под стать внешности – высокий, ломающийся. Я заметил, что он намеренно скомкал мое отчество, а теперь еще и небрежно закинул ногу на ногу, развалившись на стуле.

С трудом скрывая раздражение, я ответил:

— Я, кажется, обо всем написал в записке. Потрудитесь прочитать!

Сам не знаю, зачем я это сказал, я был намерен отрицать свой умысел. Теперь же мне захотелось специально упомянуть эту записку, в надежде, что так я смогу сам ее увидеть, прочитать текст и, может быть, хоть что-то понять.

Но парень в ответ лишь усмехнулся:

— Потрудился бы, но вы, уважаемый, не оставили никакой записки. Так что либо вы сейчас сочиняете, либо не отдаете себе отчета в своих действиях. Что выбираете?

Я почувствовал, как во мне закипает гнев. Приподнявшись на своем месте, я практически выкрикнул:

— Да что вы несете?! Я помню, как писал записку своими руками!

— И что в ней было? — быстро спросил медик.

Я стушевался.

— Не помню, — выдохнул я и обессиленно опустил на место.

На мгновение в глазах мальчишки мелькнул интерес:

— Но с собой-то вы кончали?

— Да... Кажется... — я опустил взгляд, не в силах встречаться глазами с юношей.

Доктор снова ухмыльнулся:

— «Кажется»? — он что-то записал в своей тетради. — Интересно!

Я больше не мог сдерживаться:

— Вас это веселит?! Что вы здесь находите интересного? Или забавного? — я с трудом перевел дух. — Я чуть не умер! Это смешно?! Или то, что я не помню, какого черта я это с собой сделал? Это вас забавляет?!

Молодой человек снова с интересом на меня поглядел:

— Так вы не помните? Вы вроде бы только что ссылались на записку!

Я снова опустил глаза, чувствуя себя идиотом. Я тихо сказал:

— Я помню, что писал записку, но, хоть убей, не помню, что в ней и зачем я все это совершил.

Парень поднял вверх брови. С минуту он помолчал, а затем лениво протянул:

— Не слишком-то правдоподобно получается, Илья Алексеич!

Я вспыхнул:

— Вы еще смеете обвинять меня во лжи?!

Врач хмыкнул:

— Ну а как еще объяснить то, что вы писали записку, а ее нет, убивать себя не хотели, а все же попытались? Больше всего похоже на ложь, на банальную ложь истерика, который еще не выбрал, во что он предпочитает верить, а во что – нет.

Я стиснул зубы. Что и говорить, но мальчишка был прав: все выглядело именно так. Но я решил еще попытаться:

— Возможно, я что-то принял? Может быть, какие-то сильнодействующие средства, от которых у меня помутился рассудок?

Парень медленно покачал головой:

— В том-то и дело, что нет, Илья Алексеевич, ваша кровь чиста, как у младенца. — Я не знал, что сказать, а врач, вздохнув, щелкнул механической шариковой ручкой, убрал ее в нагрудный карман халата и снова заговорил: — Буду с вами честен, Илья Алексеевич. В настоящий момент вы находитесь в бюджетном учреждении, и проводить психоаналитические сеансы здесь с вами никто не будет. Разбираться в истинных причинах и тонкостях вашей душевной драмы вам придется самостоятельно. Моя задача сейчас – лишь решить, настроены ли вы снова причинить себе вред или нет. Потому мне необходимо понять причину вашей суицидальной попытки, чтобы принять решение о том, как с вами поступить: отпустить домой, взять под наблюдение или же отправить в специальное учреждение. Вам это понятно?

Я отвернул от него лицо. Куда уж понятнее: всем плевать на настоящее положение вещей, нужно лишь поставить галочку в соответствующей графе, а потом: хоть сдохни. Изобретать для него подходящую причину мне, вот честно, совершенно не хотелось, потому я продолжал сохранять молчание, всем своим видом показывая, что наш разговор закончен.

Мальчишка поднялся со стула.

— В таком случае, я снова приду завтра, и нам с вами придется-таки принять решение. Отсутствие контакта, как вы понимаете, это тоже реакция, поэтому советую вам подумать, что мне ответить. Сегодня вы получите последний укол в терапии, больше оснований предоставлять вам койку и содержать за государственный счет у меня не останется никаких. И, честно вам скажу, — добавил он со смешком, — лучше бы вам их мне не давать. Отдохните, поспите, поразмышляйте, и завтра мы вернемся к этому разговору.

С этими словами он зашагал в сторону выхода, намеренно, как мне показалось, громко стуча каблуками, а я остался лежать неподвижно, по-детски желая показать этому сосунку, что ни один из его доводов меня не принял.

Меня колотило от гнева. Этот малец даже не попытался продемонстрировать хоть какую-то профессиональную компетентность, он в наглую желал от меня избавиться! Не верил ни одному моему слову, считал меня даже не сумасшедшим – жалким истериком, захотевшим лишь привлечь к себе внимание!

От унижения и стыда у меня пылали уши, хотелось провалиться сквозь землю. Доказывать, что я уравновешенный, вполне адекватный взрослый мужчина, было последним, чего я хотел. Почему ко мне не пустили жену, она бы первая подтвердила мою психическую стабильность?! Почему отобрали телефон?! От беспомощности мне хотелось бить кулаками в стенку.

Молокосос застал меня врасплох своим инфантильным видом и откровенным неуважением, что я даже не сообразил спросить его про жену. Господи, Надя, какого черта ты не здесь?!

Меня еще трясло, когда дверь тихо скрипнула, и в комнату вошла Аня. Сегодня она выглядела по-другому: волосы были распущены, лишь слегка заколоты у висков, на глазах – легкий макияж. Приветливо улыбаясь, она подошла к моей кровати.

— Идете на поправку, Илья Алексеевич? — переминаясь с ноги на ногу, спросила она. — Доктор сказал, анализы пришли хорошие. Завтра на выписку вас!

Я молчал – мне ничего подобного этот цыпленок сказать не удалось! Но, преодолев раздражение, я поинтересовался у Ани:

— И куда меня? Домой?

Она посмотрела на меня, как на умалишенного:

— Ну а куда еще-то? — затем, на мгновение задумавшись и прикусив нижнюю губу, добавила: — Ну или как Антон Леонидыч скажет! Вы отдыхайте! Сегодня последний укол и капельница! — внезапно засобиравшись она и вышла из палаты.

«Антон Леонидыч! Курам на смех!» — вертелось в моей голове. Злость снова застилала мне глаза, и от этого будто бы даже возвращалась головная боль. Я заставил себя перестать думать о малолетнем врачихе и сосредоточиться на приятном. Вызвал в памяти лицо жены, беззубую улыбку сына.

Вспомнился момент, как мы его стригли недавно. Несмотря на младенческий возраст, кудри у Славки отросли длинные, как у девочки. Парикмахерша боялась братья за такого кроху: не даются малыши, говорит, не понимают, что с ними такого делают, и плачут. Но Слава и не думал пугаться: с каждой отрезанной прядкой он хохотал все более заливисто, так словно то была лучшая на свете игра. Тетенька даже засняла его на видео, мол, такие довольные детки — для нее лучшая реклама.

Надя тогда тоже смеялась. Помню, я даже подумал, что успел забыть, как звучит ее смех — долго я видел ее только подавленной с искусанными до крови губами. А тогда она хохотала, едва за живот не держась. Это был хороший день.

Примерно в то время, как мне кажется, и начались перемены к лучшему. Я все чаще видел жену с красиво уложенными волосами, подкрашенной, в чистой одежде. До этого ведь несколько месяцев она ходила только в старых растянутых трениках, да застиранных футболках, а волосы, казалось, не мыла по несколько дней. Теперь же она снова была ухоженной и хорошенькой. От природы у нее светлые волосы, а кожа — сияющая, как у ребенка. Ее, пожалуй, можно было назвать красоткой, оттого мне особенно больно было видеть, когда она после рождения сына словно бы засунула себя в сундук — забыла про себя, как про старый, уже давно непригодный к употреблению хлам.

Я не знал, чем ей помочь тогда, да и сам с трудом справлялся с постоянным раздражением. Непрекращающийся детский плач, страх за ребенка, накопившийся недосып — все это не способствовало спокойной и трезвой оценки ситуации. Теперь же Надя снова будто бы возвращалась ко мне — ее улыбка, смех и довольно необычный юмор, ямочки на щеках, постриженные под «каре» волосы, открывающие тонкую белую шею, длинную, как у балерины.

Дверь палаты снова скрипнула, и в комнату вошла Аня. Звеня посудой, она прошагала к моей кровати, и поставила на тумбочку еду — мой скромный больничный завтрак (молочная каша, кусок батона с маслом и еле теплый чай). На этот раз она не проявила особой разговорчивости: молча поставила поднос и молча удалилась.

Я едва слышно пробормотал «спасибо», хотя был раздосадован ее появлением: медсестра выдернула меня из сладкого мира фантазий, который сейчас был тем единственным, что приносило мне утешение.

Нехотя я съел несколько ложек сладковатой жижи и снова погрузился в свои мысли. Но лицо жены уже не удавалось удержать перед глазами, оно казалось смутным, нечетко очерченным, расфокусированным, и довольно скоро я опять задремал.

Проспал я, как будто, совсем недолго — не больше, чем четверть часа, а проснувшись, заставил себя встать. После сна меня слегка покачивало, но я изо всех сил старался изображать из себя здорового сильного парня, сам не знаю, для кого и почему. Нарочито быстрым шагом я прошел по больничному коридору, посетил туалет, а, вернувшись, встал у окна, словно бы не нуждался больше в постельном режиме.

Это была неправда: меня мутило, мысли путались, а перед глазами плыло. Но я стоял, уткнувшись лбом в холодное заляпанное стекло и смотрел на мир за окном, который ни капли не изменился, пока я чуть не умер.

То был унылый пейзаж типичного больничного «городка»: серые, похожие на хрущевки, пятиэтажные корпуса, желтое здание администрации, кое-как высаженный куцый сквер, да одинокий, неведь откуда взявшийся посреди больничной территории здоровенный рекламный щит с криво наклеенным дешевым желто-голубым плакатом.

С плаката на меня смотрел рабочий советского образца с сердитым лицом и вытянутым вперед указательным пальцем. «Начал – доведи до конца!» — строго говорил он, глядя мне прямо в глаза.

«Черт, — подумал я, — а, и правда, чем я тут занимаюсь? Я ведь даже убить себя нормально не могу! Лежу в постели, жду обезболивающих укольчиков, тоскую по жене. А, притом, где я? В больнице! Достать лекарства здесь – проще простого! Надо раздобыть побольше, и все доделать!»

Меня качнуло, сделав два шага назад, я опустился на кровать. Что это за бред в моей голове?! О чем я думал секунду назад?! Неужто, всерьез помышлял о самоубийстве?! Несладко это, когда не можешь доверять самому себе! Но что, черт возьми, со мной происходит?!

В голове немного прояснилось, я снова встал и подошел к окну. Где тот плакат, и советский мужик в дешевом костюме? Я присмотрелся: никаких щитов не было, да и не могло их быть в больничном сквере!

У меня вспотели виски. Похоже, я, и правда, тронулся. Нафантазировал какую-то чушь и уже был готов наглотаться таблеток!

Я вцепился поledenевшими пальцами в оконное стекло. Принялся жадно всматриваться в редких прохожих, разглядывать их лица, походку, детали одежды. По большей части, это были санитары в форменной одежде и несколько с трудом передвигающихся больных, накинувших куртки или пальто поверх больничных пижам.

Я не мог оторвать от них глаз – хотел удостовериться, что не увижу монстров с зелеными лицами, щупальцами, окровавленными клыками. Если я уже в мире галлюцинаций, то может, мне, действительно, пора сдаваться: во всем признаться, просить о помощи, остаться здесь, где я под наблюдением и не смогу никому причинить вред: ни себе, ни другим.

Но лица людей были самыми обыкновенными: ни монстров, ни мертвецов, ни воображаемых друзей, ничего такого я перед собой не увидел.

Внезапно ослабев, то ли от перенесенного страха, то ли от облегчения, я снова попятился от окна и рухнул на кровать.

Пот струился по моему лбу и вискам, затекал в волосы и ворот рубашки (на мне была хлопковая белая пижама – точь-в-точь, как у уличных прохожих – штаны, да мягкое рубище, навряд ли тюремной робы из кино). В глазах двоилось.

Я уже почти сомкнул веки, когда услышал, как в палату, бесшумно ступая, вошла Аня, лишь тихо позвякивая железным подносом, на котором я краем глаза заметил тот самый шприц, заполненный ядовито-желтой жидкостью.

Ни слова не говоря, она закатала мне рукав и аккуратно сделала укол.

Я еще видел ее русые волосы, блестящую заколку над крохотным ушком и курносый нос, когда перед глазами у меня начало темнеть, и я провалился в сон.

Глава 3

Тот день я так и провел – урывками спал, просыпался, тщетно пытался прояснить свое спутанное сознание и опустошенный, в изнеможении засыпал вновь.

Но следующий день начался в точности, как и предыдущий – юный доктор снова явился ко мне в палату, пока я еще спал, и довольно грубо разбудил: тряс меня за плечо, словно я был не пациент в больничной палате, а заснувший в электричке пьяница или вовсе бездомный, желающий хоть на пару часов обеспечить себе сон в тепле и с крышей над головой.

Я проснулся и на этот раз сразу подобрался: присутствие в комнате сосунка сработало для меня, как ушат холодной воды. Сел в постели, протер глаза, кое-как расчесал пятерней волосы. Смотреть на этого студентика мне было неприятно, и я в ожидании его реплики уставился прямо перед собой.

Тот не заставил себя долго ждать:

— Вы подумали, Илья Алексеевич? Приняли решение? Готовы ли вы сообщить мне причину своего неудавшегося самоубийства? Или мне придется передать вас, так сказать, более узким специалистам?

Я вздрогнул – от того, что слова паренька прозвучали, как угроза, но куда больше от того, что теперь я чувствовал, что вполне заслуживаю ее исполнения. «Узкие специалисты» – очевидно, доктора психиатрической клиники. Если вспомнить мой вчерашний суицидальный порыв, вызванный невесть откуда взявшейся галлюцинацией, то не они ли мне и были нужны?

Я почувствовал, как на висках моих в одно мгновение выступил пот, а зубы уже были готовы начать отбивать дробь, но преодолев панику поистине нечеловеческим усилием, я заставил себя сказать настолько спокойно, насколько только был способен, вложив в свои слова даже толику уважения:

— Я все тщательно взвесил, Антон Леонидович, и пришел к выводу, что инцидент все же произошел по случайности, — я говорил намеренно сдержанно, глядя в пол и чеканя каждое слово, я понимал, что насмешливый или недоверчивый взгляд паренька может в секунду вывести меня из себя и заставить потерять контроль над ситуацией. — Мне, видимо, приснилось что-то ужасное, отчего я, толком не проснувшись, решил вскрыть себе вены. Я читал о подобных случаях, они редки, но все же бывают. Иначе я просто не могу объяснить произошедшее.

Антон Леонидович хмыкнул:

— Ну а как же записка? Вчера вы настаивали на ее существовании.

Я отер ладонью вспотевший лоб, всей душой надеясь, что врач не заметит этого жеста, и снова заговорил в том же тоне:

— Могу предположить лишь, что и она мне приснилась. Безусловно, я отдаю себе отчет, что все это не является нормальным, и мне придется амбулаторно обратиться к специалисту, чтобы не допустить повторения подобного... лунатизма, — я с трудом подбирал слова, полностью осознавая, как неубедительно они звучат. — Но поверьте, реальных причин для суицида у меня не было никаких! Напротив, мне необходимо связаться с семьей! Дома меня ждут жена и ребенок! Сколько я нахожусь в больнице? Уже несколько суток, а я даже не знаю, поставили ли их хоть кто-то в известность, что я здесь. Жена, по всей видимости, места себе не находит. У меня забрали телефон...

Я запнулся: подняв-таки голову, я наткнулся на странный взгляд доктора. Он снова смотрел на меня с подозрительным интересом, как на человека, ненароком обнаружившего свое безумие.

Прищурившись, он задумчиво произнес:

— Да, мне уже сообщили, что вы спрашивали о супруге. Но, Илья Алексеевич, с вашими родственниками пытались связаться сразу же, и никакой супруги не обнаружили.

Я вытаращился на него.

— То есть как?! — в одно мгновение от моего самообладания не осталось и следа. — Как «не обнаружили»?! — в сознании моем замелькали страшные картинки: окровавленное тело Нади где-то в канаве в трущобах. А рядом с ней Славка, истерзанный, бездыханный. Я затряс головой и приподнялся на своем месте. — А сын?! Где они могут быть?! Вы их искали?! Когда они пропали?! Господи, это они меня нашли?!

В моих висках застучало. Я представил, как они входят в ванную и видят меня голого, практически мертвого в кроватной воде. А если то был именно Славик, он ведь как раз только начал делать первые шаги?!

Меня чуть не вырвало. В голове молотком стучала лишь одна мысль: хорошо, пусть я попытался совершить самоубийство, я не верю в это, но готов допустить. Но выбрать такой способ, на глазах у семьи... Господи, как я мог такое сделать?!

Видя мою панику, врач поспешил возразить:

— Успокойтесь, пожалуйста! У нас нет сведений, что вас видел кто-то из членов вашей семьи! Вас обнаружили соседи снизу, поскольку вы начали их заливать. Вероятно, оставили открытым кран с водой. Дверь никто не открывал, и пришлось вмешаться аварийной службе. Они вскрыли квартиру и нашли вас. Тогда же изучили все ваши документы, содержимое вашего мобильного, и, да, как я и сказал, никаких следов жены или ребенка зафиксировано не было (никто из них даже не вписан в ваш паспорт). Нет контактов родителей. Мы думали связаться с вашим работодателем, но...

Я перебил его.

— Пойдите, но вы хотя бы пытались их найти?! Родителей, да, давно нет в живых. Но жена, сын! Допустим, их не было в квартире, в паспорт, действительно, оба тоже не вписаны (я недавно его потерял, и только на днях восстановил, не успел вписать сына и поставить штамп в ЗАГСе). Но как же, в телефоне-то нет никаких данных?! Принесите чертов телефон, я все покажу вам сам!

Врач вздохнул, хотел было что-то сказать, но я снова затараторил:

— Господи, но вы же видели, что вся квартира завалена детскими шмотками, что здесь живет семья! Должен же быть какой-то регламент! Надо было обзвонить соседей...

Не выдержав, Антон Леонидович перебил меня:

— Вы меня не слышите, Илья Алексеевич! — громко и четко произнес он. — Когда я сказал вам, что не обнаружено никаких следов жены и ребенка, это следует понимать буквально. В отчете санитаров ясно написано, что вы живете один. Никаких признаков проживания других людей!

Теперь настала моя очередь смотреть на него, как на больного:

— Да что вы такое несете?! — я был готов расхохотаться. — Да у нас вся квартира заполнена вещами жены и сына! Их фотографиями! Черт возьми, кто писал этот отчет?! Они как смотрели?!

Сейчас врач взирал на меня настороженно, но меня уже понесло:

— Вы представляете себе, как выглядит квартира, в которой растет младенец?! Сколько всяких детских штучек! Прыгунки, все эти шезлонги, столик для кормления, памперсы. Как же вы искали?! — Антон Леонидович сидел с каменным лицом, а я все говорил: — А женских вещей! Полный шкаф нарядов, белья, все эти баночки с косметикой! Как все это можно было не заметить?! Теперь они неизвестно где и понятия не имеют, где я, а системе наплевать! Так?!

От злости я был готов припечатать пацана к стенке. А он все смотрел на меня, как бы оценивая и лихорадочно соображая.

Тут он несколько раз резко качнул головой и раздраженно произнес:

— Вы можете считать всех вокруг себя идиотами, но я хочу, чтобы вы все же уяснили мои слова: никаких признаков проживания женщины или детей в вашей квартире не обнаружено! Санитары и врачи скорой помощи, возможно, не профессора, как вы, но вполне в состоянии отличить памперс от половой тряпки и сосчитать зубные щетки в ванной. Присутствовали также представители полиции, с тем чтобы зафиксировать попытку суицида, а не насильственного вмешательства. Они тоже проводили оценку обстановки и пытались найти ваших сожителей, если бы те имели место. Но, повторяю: никаких свидетельств их существования не было!

Доктор уже сам перешел на повышенный тон. Это и полнейшая абсурдность его слов заставили меня мысленно как бы закрыть перед ним двери лифта. Допускать хоть на мгновение, что он говорит правду, я и не собирался! Одних голословных фантастических высказываний этого парнишки было отнюдь не достаточно, чтобы выбить у меня почву из-под ног!

Я хмыкнул и холодно сказал:

— А не хотите ли вы намеренно заставить меня усомниться в собственной вменяемости?! — я усмехнулся, всем своим видом показывая, что не ведусь на его дешевые манипуляции. — Не выйдет! Лучше проверьте нормально мой телефон! Замечу, что супруга записана у меня, разумеется, не «Жена», а «Надюша», но она, несомненно, есть в последних набранных номерах, их должно быть вызовов двести! Если вас это не смутит, можете даже заглянуть в нашу переписку.

Тут я хотел было презрительно фыркнуть, но внезапно застыл: меня осенила догадка:

— Я понял! Вы меня провоцируете! — выпалил я, направив на пацана указательный палец (в ту секунду я даже сам себе напоминал психа). — Это такая новая методика, да? Вывести меня максимально из психологической стабильности, и по какой-то там шкале оценить мою реакцию! Вы читались модных статей и решили поэкспериментировать на мне?! Похвально!

Я раздраженно отвернулся от врача, не в силах больше контролировать свой гнев. Меня трясло.

Парень встал и ни слова не говоря вышел из комнаты. Обиделся, надо полагать! Я фыркнул. Ребенок! Какие тут могут быть обиды! Я в кошмарном положении, глупо было бы ждать от меня любезного обращения! Но что с него возьмешь, с сосунка!

Я уставился на закрывшуюся за доктором дверь. Что же он такое все-таки говорил?! Нет жены, нет ребенка? А я вообще — я? Невольно я потянулся руками к лицу, чтобы ощупать его, так словно я мог обнаружить под пальцами чужие черты. Фантастика какая-то, а, точнее, бред! Они пытаются убедить меня, что я сошел с ума или проснулся в другом теле? Но лицо под ладонью было, несомненно, мое, да и именем меня здесь называли моим собственным. Где начиналось безумие?

В памяти возник эпизод из недавнего прошлого: я вместе со Славкой на ступенях крыльца нашего подъезда. Нади в тот день не было в городе, ей нужно было куда-то съездить по работе (я старался ее отпускать, знал, что работа позволяла ей сохранять связь с внешним миром, а это было ей необходимо, чтоб не скатиться в депрессию), и я гулял со Славой один. Он спал в коляске, и я с трудом выкатил ее из узкой двери подъезда, и уже собрался было тихонько спускать коляску с крыльца, чтоб не разбудить мальчонку, как вдруг мне позвонили: это был срочный вызов с кафедры. Я тогда преподавал в университете, писал диссертацию, это позволяло мне иметь гибкий график и достаточно свободного времени, чтобы иногда помогать с ребенком, но когда случилось что-то непредвиденное, сотрудники кафедры были готовы перевернуть весь мир с ног на голову, поднять такую тревогу, что мало не показалось бы никому. Вопрос надо было решить срочно, и я отвлекся. На долю секунды я забыл о ребенке, и уже в следующее мгновение я в ужасе увидел, как коляска покатила по ступеням вниз! Я тут же рванул за коляской и, слава богу, успел вовремя ухватиться за ручку и предотвратить падение (Слава даже не проснулся), но в прыжке, не заметив, напоролся на торчавший из перил гвоздь и рассек себе руку от локтя до запястья.

Наде я тогда ничего не сказал (попросту стыдно было), наплел что-то про неудачное падение, потому и в больницу не поехал: сам обработал рану, продезинфицировал, перевязал. Но шрам остался. До последнего времени он мне служил эдаким напоминанием, сколь близки мы порой бываем от края, от необратимой беды. Теперь же я с силой дернул на себя рукав в надежде найти шрам с совсем другой целью: убедиться, что все это со мной было на самом деле. Я уже не мог быть ни в чем уверен, не понимал, где правда, а где ложь, где иллюзия, а где реальность. Я знал лишь одно: если шрам на месте, то была та неудавшаяся прогулка, крыльцо, звонок, коляска, гвоздь. Задрав рукав, я вывернул руку локтем к себе и уставился на участок кожи от локтя до запястья. Шрам был на месте.

Выдохнув, я снова привел свою рубашку в порядок. Я готов был взять себя в руки.

Дверь снова отворилась, это вернулся Антон Леонидович. В руках он нес вещь, очевидно, принадлежавшую мне: темно-синий смартфон без чехла с металлическим корпусом. Я бы узнал его среди сотни мобильных.

Ни слова не говоря, доктор протянул телефон мне.

Разблокировать сотовый мне не пришлось, пароль был снят (видимо, когда был взломан, как признался врач, «для изучения»). Я первым делом открыл недавние вызовы, затем все мессенджеры, галерею, контакты. В панике я принялся открывать все новые приложения: камеру, социальные сети, онлайн-банк, проверил историю браузера. Но нигде не мог обнаружить ни следа ни Нади, ни ребенка!

Это было невозможно! Я помнил, как совсем недавно, переписывался с женой: мы спорили, какое лучше выбрать сыну автокресло. Я скидывал ей, кажется, десятки ссылок на разные модели, но даже их я теперь не мог отыскать! Вот мои поездки, вот покупки, страница в Фейсбуке: ни намек на жену или сына!

Я набрал номер Нади по памяти. «Абонент недоступен».

Мои пальцы поledenели, я явственно ощутил, как кровь отлила от моего лица. Как все это можно объяснить? Как понимать? Есть хоть одна предположительная причина происходящего кроме того, что я полностью, окончательно двинулся?!

На лице, видимо, был написан весь кошмар, бушующий в те мгновения в моей душе, поскольку доктор неожиданно смягчился.

Кашлянув, он негромко заговорил:

— По мне не скажешь, я знаю, но поверьте, Илья Алексеевич, я уже успел немало поработать с людьми, у которых присутствуют действительно серьезные психические расстройства. И, скажу вам честно, ваша клиническая картина не похожа на такие случаи. Ведь помимо несоответствия вашей психической реальности настоящему положению вещей, чтобы поставить диагноз, необходимы некоторые соматические симптомы, — он вздохнул, переведя дух, и еще внимательнее посмотрел на меня. — Ни одного из них я у вас не наблюдаю. Мое экспертное мнение — психически вы не больны. Стресс, невроз, все это определено есть. Быть может, даже, как вы утверждаете, лунатизм (и то весьма сомнительно). Но не шизофрения, не психоз, никаких признаков расстройства личности.

Однако, некое соматическое заболевание имеет место вне всяких сомнений. Амнезия. И наличие ложных (не имеющих реального подтверждения) воспоминаний лишь подтверждает этот диагноз.

Откровенно скажу: я верю вам, точнее, верю, что вы мне не лжете осознанно — то есть сами искренне верите в то, что говорите. Возможно, вам и не место здесь, в стационаре, и уж точно не место в психиатрической лечебнице. И все-таки отпустить вас неизвестно куда в таком состоянии я не могу. — Тут парень весь подобрался и, сцепив руки перед собой, на сантиметр придвинулся ближе. Он заговорил быстрее: — Могу предложить вам следующее: я все же выбью для вас койку в нашей клинике и самостоятельно за свой собственный счет займусь вашим обследованием и психоаналитическим лечением. Не считайте это благотворительностью, будьте спокойны, я, как специалист, лично заинтересован — ваш клинический случай кажется мне чрезвычайно занятным, кто знает, возможно, основываясь на полученном материале я даже смогу сделать важное открытие или, по крайней мере, опубликовать научную статью.

Прежде всего, я хочу, чтобы вы понимали, что ваше присутствие здесь абсолютно добровольно, и все же неоспорим и тот факт, что выйти отсюда без сопровождения вы не можете. Проще говоря: я смогу отпустить вас на волю, только если вас заберут родственники. А, как вы уже сами поняли, за вами до сих пор никто не явился. Связаться с вашей единственной, как вы утверждаете, родственницей — супругой — тоже нет никакой возможности. Вы сами только что в этом убедились.

Между тем, ваше состояние слишком нестабильно, чтобы оставлять вас без присмотра. Вы можете возмущаться и топтать ногами, но подводить себя под статью я не стану, таковы законы нашей страны. И, если совсем честно, чисто по-человечески я не считаю себя вправе отпускать вас во внешний мир в состоянии практически полной амнезии.

Итак: вы остаетесь здесь, под моим наблюдением. Мы будем встречаться с вами ежедневно и будем совместно и постепенно заниматься восстановлением вашей памяти до тех пор, пока мы все не убедимся, что вы в достаточной мере сориентированы и эмоционально стабильны. Что скажете? Согласны?

Доктор замолчал и уставился на меня своими холодными, маленькими, полупрозрачными глазами, почти не мигая.

Я был обессилен. Последние новости подкосили меня, а внезапные перемены в поведении доктора окончательно вымотали.

Я больше не мог сопротивляться, был не в силах спорить. В ту минуту я понимал пленников и тюремных заключенных, которые после серии эмоциональных атак оказывались вымотаны настолько, что уже готовы были признаться во всем, даже в том, чего они никогда не совершали, лишь бы их оставили в покое. Вот и сейчас я больше не мог анализировать, думать, принимать решения. Я был в состоянии лишь слабо кивнуть на предложение молодого доктора, хоть оно, возможно, и определяло всю мою последующую судьбу.

Заставив меня повторить свое согласие голосом, доктор кивнул и, попрощавшись со мной до завтра, бодрым шагом вышел из комнаты.

Оставшись один, я медленно сел, поднялся и, как пьяный, едва переставляя ноги, вышел из палаты. В коридоре я наткнулся на встревоженный взгляд Ани, которая поднялась мне навстречу, но я, раздраженно помотав головой, заставил ее сесть на место и с трудом поплелся напрямик в санузел. Там я тщательно умылся, прополоскал рот и подставил голову под кран с водой, после чего с остервенением растер ее вафельным полотенцем.

Из забрызганного зубной пастой треснутого зеркала на меня смотрело мое лицо. Мое. Точно, мое. Бледное, с синевой под глазами, и воспаленными, красными, будто намазанными помадой губами.

Маша

Глава 4

Я рассматривала свои ногти – голубоватые под беспощадным светом люминесцентной лампы. Неровно постриженные, в белых точках (нехватка кальция, небрежность – по привычке, укорила я себя), ногти уж точно не были предметом моей гордости.

Как и руки в целом: по понятной причине, я их всегда прятала, но сейчас безжалостно подставила их своему критическому взору. Привычно ярко красные, мои костяшки пальцев под бело-голубым светом лампы казались багровыми, почти что синими.

Я сжала пальцы в кулак, натянула рукава на кисти рук и огляделась. Мне не впервой было подолгу сидеть в этом пустом коридоре в ожидании, когда тебя соблаговолят впустить. Зеленые крашенные стены, жужжащие и порой жутко мигающие здоровенные лампы под потолком. Кабинет Аркадия Яковлевича был чем-то вроде опочивальни злой королевы в высокой башне – люди в здравом уме старались держаться отсюда как можно дальше. Сам же старик очень редко одаривал кого-то своей благосклонностью. Мне вот не повезло.

Строго говоря, мне не стоило гневить судьбу, жалуясь, что выбор завкафа пал на меня. Где бы я теперь была, если бы однажды он после лекции не велел явиться сюда? Писала бы, как и прочие аспиранты, свои жалкие статейки, осознавая, что высшей ступенью моего профессионального роста может стать только место на этой же самой кафедре? Максимум: преподавание, максимум: научные публикации. Никакой тебе реальной судебной практики, и уж тем более досудебных расследований.

И все же признательность старому учителю за подаренный мне шанс никак не перекрывала моей искренней душевной неприязни к профессору, уверенности в его извечном лицемерии, внутренней гнили, черном нутре.

Справедливости ради стоит сказать, что в университете его ненавидели буквально все. Он мог запросто обдать тебя волной презрения и ненависти, а мог называть в глаза Машенькой, а за глаза – жалкой анорексичкой («добрые» люди всегда постараются, чтобы ты не осталась в неведении). И все-таки, несмотря на всю мою жалкость, именно меня выбрал он два года назад для участия в настоящем следствии.

Слухи до меня доходили всякие – как я уже говорила, желающих донести до твоего сведения какую-нибудь пакость в научном мире всегда в избытке. Многие явно давали мне понять, что я была привлечена к расследованию в качестве бессловесной дуры, куклы, которой можно легко управлять, дергая за нитки – поднимать руки, ноги, открывать рот и за нее говорить, что потребуется.

Что там, я и сама это понимала. Тогда поиск маньяка, серийного убийцы приковал к себе внимание всех – федеральной прессы, блогеров, независимых СМИ. Вариантов хоть как-то сместить фокус внимания с провальной работы следственных органов оставалось все меньше, нет-нет, и прислали бы для контроля какого-нибудь высокопоставленного столичного шишку, который вмиг разворошил бы их уютный уголок, да вытащил на всеобщее обозрение все местные «закулисные» грешки, и посыпались бы головы, как это у нас часто бывает. Вот и решили пригласить стороннего «эксперта» из подручных (я бы даже сказала – из ручных), и обратились к Аркадию Яковлевичу, а тот предложил им меня.

Я так и вижу, как он, сидя за стопкой, с каким-нибудь полицейским начальником, убеждает того, что со мной проблем не будет. «Исполнительна, безынициативна. Серая мышь.» Я готова спорить, что именно таков был его вердикт.

И все же серая мышь, хоть и старалась не лезть с инициативой, а все-таки именно она, отсортировав и проанализировав тонны данных, вывела следствие на Аксенова. И да, именно я сыграла решающую роль в его поимке.

Прошло время, убийцу судили. За плечами досудебное расследование и судебная экспертиза, надобность во мне окончательно отпала и меня благополучно забыли. Зачем же теперь, когда в деле, казалось бы, поставлена жирная точка, старику понадобилось вновь вызывать меня на ковер? Он просто написал: «Маша, зайдите завтра в 4». Без малейшего интереса к обратной связи: мое ответное «Буду» так и остались неп прочитанным.

И вот я снова была здесь – в этом нагонявшем смертную тоску неотремонтированном ветхом университетском коридоре – разглядывала свои израненные кисти рук и подавляла подступавшую к горлу тошноту, предвидя скорый неодолимый позыв к рвоте.

Дверь в кабинет профессора, наконец, открылась, и оттуда вышел, посмеиваясь, начинающий лысеть неопрятный мужчина в засыпанном перхотью жеванном свитере. Бросив на меня высокомерный взгляд, он снисходительно бросил вглубь кабинета, по-свойски, будто был у себя дома:

— Аркадий Яклич, вас тут барышня дожидается! — в ответ старик пробурчал что-то неразборчиво, очевидно, какую-нибудь сальность, потому что мужчина мерзко засмеялся и, отворив дверь пошире, изобразил приглашающий жест и, отодвинувшись, пропустил меня внутрь.

Я вошла, не глядя неприятному мужчине в лицо, плотно затворила за собой дверь (надеясь, перед его носом) и громко сказала:

— Аркадий Яковлевич, вызывали? Богданова.

Тот поднял взгляд от лежавших на столе бумаг и прищурился. Он знал, что это я, знал, что я уже полчаса сижу под дверью, и намеренно заставил ждать, чтобы напомнить мне мое место. Это было ему понятно, и все-таки он разыгрывал передо мной весь этот спектакль – теперь изображал, что с трудом пытается меня вспомнить.

Старик был действительно очень ветхий. С трудом передвигался, палка в его костлявых руках ходила ходуном, а ввалившиеся глаза напоминали глазницы скелета, и, тем не менее, я знала, что и ум его, и память, остры, как никогда: уж слишком лихо он проворачивал всяческие темные сделки на высшем уровне, расшвыриваясь капиталом и жизнями людей (про профессора тоже болтали немало).

— Машенька, — сказал он, наконец, своим ядовитым голосом, будто произнес не уменьшительное имя, а страшное оскорбление. — Садитесь.

Я села на хлипкий стул, стоявший перед профессорским столом, и украдкой осмотрелась. За два года обстановка здесь ни капли не изменилась: тусклый желтый свет от висящей под потолком «лампочки Ильича» (после жужжащей и слепящей люминесцентной лампы коридора здешняя темнота была поистине облегчением), заваленный бумагами письменный стол (компьютер стоял на нем, очевидно, для виду и никогда не использовался), огромный железный сейф и древний деревянный шкаф с замком и стеклянными, но непрозрачными дверцами. В углу – треснутое зеркало, я осторожно взглянула в него и поправила волосы, пусть заметит, что я уже не та, что два года назад (неприметная девочка с мышиным хвостиком). Теперь у меня модная стрижка, брючный костюм и даже кое-какой макияж. Да, я все так же прячу свои руки (порой с кровившими ранами), но больше не смотрю исподлобья и не отвожу взгляд, а уже способна смотреть собеседнику, даже такому страшному, прямо в глаза.

— Вызвал вас срочно, поскольку дело неотложное, — начал старик. — По делу Аксенова.

Для профессора эти два года тоже не прошли бесследно. Теперь, сидя перед ним на расстоянии метра, я уже не могла не заметить, что складки вокруг его рта превратились в глубокие канавы, его голова и тело как будто уменьшились размером, и уши на крохотном черепе казались гигантскими. Но ни на минуту мне не показалось, что старик близок к смерти: несмотря

на стремительно дряхлеющую оболочку, сила, исходившая из него, ничуть не иссякла, я чувствовала, что, даже если захочу, попросту не смогу приблизиться к нему больше ни на сантиметр, он будто бы одной только силой своего взгляда удерживал меня на расстоянии.

Прокашлявшись, я задала встречный вопрос:

— И что может быть с делом Аксенова? По моим данным, он уже в Яблоневке – с момента вступления приговора в силу, а дальше планируют перевод. Я слышала, его хотят пустить через всю страну напрямик в Снежинку. Не знаете, правда ли? В хабаровскую колонию?

На несколько мгновений профессор опустил веки, как бы прикидывая, о чем меня в принципе стоит ставить в известность, и снова поднял на меня взгляд.

— Не совсем, Мария, — он кашлянул, — так уж сложилось, что мне удалось вытребовать для Аксенова психиатрическое освидетельствование. — Он выставил перед собой руку, заметив, что я открыла рот, чтобы возразить. — Нет, это совсем не то, что делали вы. На данном этапе его необходимо изучить, как некий объект, понимаете? Вне контекста с его реальным опытом. Я хочу изучить его мозг. А впоследствии, возможно и определить психиатрическое расстройство. Сказать вам, по правде, я отнюдь не уверен, что Аксенову место в обычной тюрьме рядом с рядовыми преступниками. Кто знает, может быть, все-таки безопаснее для него и для окружающих поместить его под специфическое наблюдение а, возможно, и под медикаментозный контроль.

Я отупело уставилась на профессора.

— Простите, Аркадий Яковлевич, я видимо не совсем поняла вашу терминологию. Как это: вне контекста его реального опыта? Какое тогда может быть психиатрическое освидетельствование? У вас какая-то новая методика? Экспериментальный подход?

Старик поморщился и помотал головой (мне даже подумалось, что я попала в точку).

— Не совсем... Так или иначе, Маша, вас это не должно беспокоить. Пока это дело сугубо в ведении некоего специального учреждения, дело секретное, как вы понимаете, доступ к нему крайне ограничен. — Он сладко улыбнулся (как минимум, намеревался так сделать, в реальности же с его впалым ртом и ледяными глазами улыбка выглядела ужасающе). — Но проделанный вами труд, дорогая, бесценен. Я вряд ли ошибусь, если предположу, что к материалам дела подшита лишь ничтожная доля ваших наработок?

Старый прохвост! Вот уж, действительно, он был профессиональным психиатром и за годы работы успел меня изучить. Конечно, я предоставила только крохотную частичку своих материалов: на моем жестком диске хранились гигабайты информации, а дома – коробки документов, фотографий, дисков с аудио- и видеозаписями и рукописных листов. Но ведь и я «вряд ли ошибусь, если предположу», что реальные плоды моих наблюдений никого и не интересовали. От меня отмахивались, надо мной посмеивались, мне стоило огромного труда, чтобы вложить свои самые очевидные выводы в рот следователю уже практически в пережеванном виде! Ему оставалось только проглотить и то он до последнего сопротивлялся, чтобы это сделать!

На протяжении всего следствия я была собаке пятой ногой и часто выполняла работу девочки на побегушках. Каждому хотелось напомнить себе, мне, коллегам, что я там ради мебели, но я была не против – чем больше я выполняла мелкой ассистенткой работы, тем глубже погружалась в самые мелкие детали расследования, изучила его по крупицам, а по ходу еще и со всеми познакомилась: я узнала всех – от патологоанатома и судебных криминалистов до самых незначительных свидетелей, проходивших по делу.

И вот мои наработки понадобились! Интересно! Это одновременно и польстило мне, и вызвало приступ жгучей жадности. Ну как так?! Отдать все результаты своей работы? Неизвестно куда и кому?!

Хоть я и предвидела, к чему все идет, я осторожно кивнула. И старый профессор удовлетворенно почесал подбородок.

— Прекрасно, прекрасно! На минутку представьте себе, что ваши данные могут сыграть ключевую роль, быть может, в величайшем открытии! Случай очень интересный, Машенька, согласитесь. Вы все верно сказали – до перевода Аксенова в точку окончательного содержания у нас не так много времени, хотя я и прикладываю все усилия, чтобы его потянуть. Но! Если повезет, с помощью ваших наработок, кто знает, возможно, мы сможем заполучить Аксенова пожизненно! — Профессор жадно осклабился, в ту секунду, я уверена, обнажив свою сущность. — Вы понимаете, насколько это важно?

Я снова робко кивнула, и старик еще ниже склонился над столом, как бы пододвигаясь ко мне.

— Я привлек одного очень перспективного психиатра-исследователя. Можете не сомневаться, под его чутким руководством Аксенов будет с нами откровенен, как на исповеди! — профессор хохотнул, но получилось будто крикнул. — Это чрезвычайно талантливый и увлеченный ученый. Возможно, слегка самонадеян - уверен, что справится самостоятельно. Но с вашими конспектами, Маша! — старик облизнул свои сухие губы, и меня чуть не вывернуло. — Вы же умудрились собрать самые сливки! Беседовали с Аксеновым непосредственно после задержания! Вы неплохо поработали, моя дорогая, как учитель, я могу вами гордиться.

Снова осклабившись, Аркадий Яковлевич откинулся на спинку кресла и самодовольно замолчал. Он понял, что сделал все, чтобы накрепко посадить меня на крючок, запутать в свою паутину, так, что мне не останется никакой возможности вырваться. И что уж там, он был прав: я чувствовала себя связанной по рукам и ногам. Я не могла отказать ему, не могла просто встать и выйти из кабинета, я все еще была зависима от него – моя карьера, научная работа, да даже сама диссертация могли рухнуть в одночасье по щелчку его пальцев. Он знал это с самого начала, и потому мог просто приказать. И все же, тонкий психолог, он потратил еще несколько минут на то, чтобы приковать меня намертво, вызвав во мне еще одно чувство, по сильнее страха – жадное, поистине жгучее любопытство!

Как исследователь, как психолог, криминалист, я поняла, что игра еще не окончена, открылись новые возможности для исследования, и стали необходимы мои наработки! А, значит, необходима и я сама, Маша Богданова! Пусть еще они об этом и не знают, но никуда не денутся!

Решительно кивнув, я выпрямила спину.

— Благодарю за доверие, Аркадий Яковлевич, все привезу. Пишите адрес.

Профессор издал негромкий утробный звук, похожий на гудение, напомнивший мне урчание объевшегося сметаной кота, и стал царапать что-то ручкой на бумаге.

— Ехать придется несколько часов на север, но вы же на машине? — Спросил он, не отрывая глаз от листка. — Я выпишу вам разовый пропуск, но будьте готовы к досмотру, как понимаете, учреждение режимное и строго секретное. Также, надеюсь, вы, Маша, стреляный воробей и осознаете полную конфиденциальность обсуждаемого нами дела? — он снова поднял на меня свои холодные сухие глаза и без тени улыбки пододвинул ко мне листки. — Я рассчитываю на вас, Мария, и рад, что в свое время сделал ставку именно на вас.

— Спасибо, Аркадий Яковлевич, не подведу, — сказала я, поднимаясь, и, схватив листки, не оглядываясь, вышла из кабинета.

Мне нужно было на свежий воздух как можно скорее, меня мутило, но в руках я сжимала бумагу с адресом и пропуск. Желтый шершавый картон чудесным образом придавал мне уверенности, делал мою походку тверже. Теперь у меня определенно хватит сил преодолеть тошноту.

Глава 5

Я выехала на следующий же день. Вышла из дома в восемь утра, когда было еще темно и совсем не по-весеннему морозно. С час я добиралась до северной границы города, ехала со скоростью улитки – по утренним пробкам, да вдобавок по подмерзшим за ночь скользким дорогам. И только оказавшись на трассе, где вдоль дороги стражниками стояли сосны, я смогла выдохнуть, расслабиться и, доверившись навигатору, немного подумать.

Я рано возгордилась собой накануне – поспешила обрадоваться, что возвращение в строй придаст мне сил подавить привычную тошноту и перебороть очередной приступ. Не тут-то было: стоило мне перешагнуть порог своей квартиры, как тревога окатила меня ушатом ледяной воды.

Я осознала вдруг, что никакого возвращения в строй не предвидится. Профессор ясно дал мне понять, что его интересуют лишь мои записи, но не мое профессиональное мнение и уж тем более не мои навыки. Мне было велено всего-то выполнить функцию курьера – доставить документы по назначению и убраться восвояси.

Стянув кое-как ботинки с ног, я прямо в куртке прошла на кухню и выпила подряд два стакана ледяной воды. На какое-то мгновение мне стало легче, но уже в следующую секунду я рванула в ванную и склонилась над унитазом. Меня вывернуло наизнанку.

Умывшись, я снова прошла на кухню и, как и была, в верхней одежде, уселась за столом. Сгорая от стыда и отвращения к себе, я оглядела собственную квартиру, словно бы была тут впервые случайно забредшим чужаком.

Здесь царил хаос. В раковине горой громоздилась посуда, на столе – грязные чашки, папки с документами и здесь же – забытый пакет уже прокисшего молока. Вдоль батареи под окном рядком стояло несколько пустых винных бутылок, а на спинках стульев висел халат и скомканная пижама.

Ничего не скажешь – достойное жилье для «жалкой анорексички». Чертов сукин сын и его унижительное прозвище не выходили из моей головы. Открыв холодильник, я прямо из горлышка отпила несколько глотков вина из початой бутылки, сняла наконец куртку, уронив ее на пол, и, войдя в спальню, рухнула на кровать.

Алкоголь, упавший в пустой желудок, вмиг ударил в голову и, словно целительный эликсир, заживлял мое воспаленное нутро. Потолок перед глазами закружился, и я, позволив векам на секунду сомкнуться, незаметно соскользнула в сон.

Проснувшись часа через три – уже посреди ночи, я заставила себя стянуть костюм, смыть макияж и почистить зубы, после чего завела будильник и заснула уже до утра.

Продрав глаза в семь утра, я была настроена уже куда более воинственно. Горло саднило, во рту – неприятный привкус, а в виске – тупая пульсирующая боль. Мне пришлось простоять двадцать минут под обжигающим, как кипяток, душем, пока в глазах не прояснилось. Завернувшись в полотенце, я вытерла запотевшее зеркало над раковиной и уставилась на свое отражение. Под моими глазами залегли черные тени, губы были красные, будто целованные, а кожа бледная в розоватых прожилках. Стремясь избавиться от мерзкого привкуса во рту, я яростно вычистила зубы, пока не заболели десны, а потом, усевшись на пол в ванной, кое-как высушила волосы.

Все еще чувствуя себя больной, я выпила черный кофе, сгрызла черствый сухарь и доела клубничный йогурт. В животе забурлило, и я заставила себя съесть еще пару квадратиков темного шоколада. Быстро накрасившись, я надела вчерашний костюм и вышла из дома.

От мороза голова сразу прочистилась: ветер словно продул ее, как засорившуюся трубу. Заведя мотор, я стащила с себя куртку, и, бросив ее на пассажирское сиденье, снова выбралась на ледяной ветер, подставив лицо его колючим пощечинам.

По щекам покатались слезы, но мне почему-то становилось легче. Я чувствовала себя индейцем перед выходом на тропу войны: я знала, что просто не будет, что мне придется изрядно подраться, и я готовила себя к схватке. У меня появился шанс разобраться в деле Аксенова, которое я считала своим по праву, довести до конца начатое, и я больше не собиралась его упускать, я была не намерена снова позволить профессору (да хоть кому другому!) вышвырнуть себя на обочину.

Снова забравшись в машину, я закуталась в куртку и вытерла слезы. Надо было поторапливаться.

Ехать предстояло почти два часа в сторону границы с Финляндией. Создавалось впечатление, что тюремная лечебница, куда профессор умудрился определить Аксенова, стояла посреди густого леса. Если судить по навигатору, то по адресу, данному мне вчера Аркадием Яковлевичем, не значилось вообще ничего. Озеро, трасса, лес. Собственно, дома под указанным номером на карте не было в принципе.

Писать профессору, задавать уточняющие вопросы – об этом не могло быть и речи. Поэтому я решила просто ехать в заданном направлении и разобраться на месте.

На заднем сиденье позади меня стояла коробка с бумагами: протоколы допросов, фотографии и пара моих отчетов. Признаюсь, что несмотря на проницательность Аркадия Яковлевича, я все равно не собиралась отдавать им все. На сегодня я обозначила для себя одну минимальную цель – познакомиться с лечащим врачом Аксенова и заинтересовать его своими бесценными наблюдениями, ведь то, что хранилось в моей голове, не прочтается ни в одном отчете.

Мне следовало быть скромной и максимально безопасной – врач должен понять, что я не посягну на его лавры, не стану вмешиваться в его работу. Мой образ серой мышки никогда еще не подводил: только помогать, быть под рукой, в нужный момент подсказать факт из исследования или биографии Аксенова, и, кто знает, может быть, я даже смогу помочь наладить контакт с пациентом?

У нас с Аксеновым было несколько встреч после задержания. Влад Палыч Ершов, следователь, который вел расследование, дал слабину (не иначе, как одурманенный триумфом) и допустил меня к арестанту. Крупица благодарности так-таки закралась в сердце мента, он понимал, что без меня, скорее всего, никогда бы и не узнал фамилию маньяка. Серая мышка своими маленькими зубками прогрызла тоннель, пока большие сильные слоны топтались на месте! Потом, правда, Влад Палыч быстро опомнился и избавился от меня, решив, что надобность во мне отпала и впредь от моего вмешательства будет больше вреда, чем пользы: до самого суда мы с ним общались уже исключительно по факсу – он присылал официальные запросы с печатью и подписью, а я ему в ответ – свои отчеты.

Я помню, как сидела с Аксеновым наедине в крашеной серой краской убогой комнате и радовалась, что в нашей системе всем наплевать на безопасность. Иначе никто бы не оставил нас одних, ведь убийцу от нападения на меня удерживали только наручники, в остальном он был абсолютно свободен! Он мог вскочить и теми же наручниками оглушить меня, забить ногами, вгрызться своими зубами мне в шею – да, все, что угодно!

Но меня такое положение дел вполне устраивало. Я знала, что он не нападет. Я уже успела, хоть и на расстоянии, но все же неплохо изучить его: каков его темперамент, что его бесит, а что наоборот успокаивает, я знала его привычки и что он любит.

Возможно, я была слишком уверена и могла поплатиться за свою самонадеянность, но мне тогда не было никакого дела до последствий. Впервые в жизни я подобралась так близко к своей цели, я бы ни за что не отступила из-за какой-то там безопасности.

В тот самый первый раз Аксенов был очень спокоен и, если и был зол или растерян, то виду не подавал. Он сидел, вытянув под столом свои длинные ноги, и с интересом меня разглядывал.

Мерзавец был, несомненно, красив: светлые волосы, серые глаза, щеки с естественным румянцем, широкий торс. Обычный человек подивился бы, зачем такому красавцу убивать – но я-то знала! Я чувствовала, какая бездна таится за его непроницаемым взглядом, какой неутолимый голод, какая непереносимая боль.

Бывали ли секунды, когда я сочувствовала ему? Возможно. Но образы тел его жертв почти всегда стояли перед моими глазами, такое легко не забудешь. И, как бы я ни старалась понять маньяка (такова уж моя профессия), жертвам его и их родственникам я сочувствовала куда сильнее.

Я знала, что Аксенов помнит меня, хотя у нас и было-то всего несколько встреч столько месяцев назад, но я думаю, что он почувствовал, что я единственная из всех в системе была способна его понять. Уже тогда у нас сложился контакт, а любой психиатр знает, что этот контакт бесценен.

В этом-то и была моя максимальная цель на ближайшие дни – добиться встречи с пациентом. Я понимала, что даже надеяться на это было смешно: секретный режимный объект, преступник, заполучить которого стоило Аркадию Яковлевичу всех его связей, и допустить к нему постороннего?! Но все-таки я не была посторонней! Как бы все ни старались обеспечить мой труд, без меня им вряд ли удастся к нему пробиться, мне только надо было каким-то образом убедить в этом местного психиатра!

От волнения и предвкушения встречи с врачом я вся сжалась и с силой вцепилась пальцами в руль, мне становилось жарко. Виски вспотели, и по шее под волосами скатилась струйка пота. Я расстегнула куртку и открыла окно. В салон ворвался неожиданно теплый воздух и взъерошил мне волосы. Я опустила стекло еще ниже, вдохнула глубже и высунула руку в окно.

Уже в следующую секунду я почувствовала на раскрытой ладони первые капли дождя: одна, вторая, и вот уже дождь барабанил по лобовому стеклу. Пришлось включить дворники и поднять стекло, чтобы вконец не промокнуть.

Ну и дела! Я ехала на север, а приехала в настоящую мокрую сопливую весну! Я уже испугалась было, что из-за ухудшающейся видимости проморгаю клинику и мне придется под ливнем бегать по лесу в поисках указателей, как вдруг по правую сторону от дороги заметила серый бетонный забор, ворота и белую будку контрольно-пропускного пункта. Похоже, что цель была близко!

Припарковавшись в нескольких метрах от ворот, я натянула на голову капюшон, вытащила с заднего сиденья коробку с документами и, нащарив в кармане картонный пропуск, вышла из машины.

К этой минуте дождь усилился, ветер, хоть и теплый, но сильный, срывал с моей головы капюшон, и, когда я бежала до ворот от машины, мне пришлось придерживать его одной рукой, пока другая прижимала к левому боку бесценную коробку. Ведь, если желтоватый контрольный пропуск был моим билетом на территорию секретного объекта, то коробка могла обеспечить мне допуск к Аксенову!

Протиснувшись в белую, будто пластмассовую будку КПП, я водрузила на узкую стойку дежурного коробку, стянула с головы капюшон и протянула седому, морщинистому, но еще вполне крепкому и осанистому охраннику свой пропуск.

— Богданова Мария, кафедра судебной медицины. Мне велено доставить результаты досудебного обследования по делу Аксенова. Лично в руки лечащему психиатру! — добавила я, хотя дежурный даже и не пытался мне возразить. Он лишь потребовал у меня документы, вписал данные паспорта в какую-то книгу и, оставив у себя пропуск, буркнул стоявшему здесь же за стойкой молодому пареньку в защитной форме:

— К Заслаvinу проводи, — и пододвинул ко мне коробку с видом, словно бы она ему мешала. Деловито кивнув, я снова надела на голову капюшон и, схватив коробку, зашагала за проводником.

По эту сторону бетонного забора, ветра почти не ощущалось и, хотя лить стало только сильнее, я могла уже отпустить капюшон и спокойно, выпрямив спину, следовать за охранником.

Хоть я и старалась вести себя прилично, я все же не смогла удержаться и не кинуть несколько жадных взглядов по сторонам. Однако местность была до досадного обыденной: редкие сосны, деревянные лавки, узкие дорожки, несколько типичных больничных корпусов из серого кирпича. Не было ни колючей проволоки, ни решеток на окнах. Не было даже групп вооруженной охраны: два несчастных охранника на входе – молодой мальчик, да высокий старик – вот и вся оборона на случай бунта или побега опасных преступников. Попадались лишь редкие работники в белых халатах – врачи или санитары, бегом перемещавшиеся под дождем из корпуса в корпус.

Мы подошли к невысокому административному зданию – оно отличалось от остальных меньшей этажностью и более широким крыльцом, вошли внутрь, прошли по казенным пустым коридорам и поднялись на второй этаж.

Остановившись перед желтой деревянной дверью, мой проводник несколько раз постучал и, не дожидаясь ответа, заглянул внутрь. Непостижимым для меня образом парень умудрился сказать что-то человеку в комнате так, что я не разобрала ни единого слова, хоть и отчаянно прислушивалась. После чего, посторонившись, охранник открыл дверь пошире и пропустил меня внутрь.

Подняв повыше подборок и снисходительно кивнув провожатому, я вошла.

Глава

6

Он сидел за столом. Тощий паренек с жиденьким белобрысым хвостиком. Узкие плечи под белым халатом, длинный нос. Ему можно было дать от силы двадцать пять, и то с немалой натяжкой.

Парень поднялся мне навстречу, но, сделав шаг, остановился сбоку от своего стола и облокотился на него в намеренно небрежной позе – врач будто бы в последний момент передумал покидать свое укрытие и вцепился в него, как в щит перед боем.

Я сделала несколько шагов вперед.

— С вашего позволения, — сказала я и поставила на стол врача свою коробку. Тот скосил к ней взгляд, словно бы, пытаясь на вид прикинуть содержавшийся в ней объем информации.

— Мария Богданова, если не ошибаюсь?

Я кивнула.

— Маша, — и протянула ему свою ладонь.

После дождя рука была чуть влажная, а пальцы, те и вовсе ледяными, но и его кожа оказалась, хоть и сухой, но ничуть не более теплой. Узкие, тонкие, бледные пальцы напомнили мне щупальца осьминога, и я впервые за день подавила дурноту – поднесла запястье к носу и проглотила слюну.

— Антон Леонидович. Заславин, — представился доктор, и я не могла не отметить про себя, как плохо вязалось имя-отчество с его тщедушным телом, — но я так понимаю, вам меня рекомендовали? Аркадий Яковлевич был слишком любезен, отправив вас ко мне с документами. Я мог бы и сам заехать. Вы, кажется, его студентка?

— Аспирантка, — поправила его я, задрав подбородок и отметив про себя, что врач отнюдь не кривил душой, когда сказал, что предпочел бы забрать документы лично, чем принимать меня здесь. Присутствие посторонней в этом, что уж спорить, крайне странном месте его определенно корбило.

Воспользовавшись его секундной растерянностью, я огляделась.

— Аркадий Яковлевич назвал это учреждение режимным объектом, но, знаете, я сильно сомневаюсь, что эта клиника аккредитована каким-либо ведомством. Я ведь не ошибаюсь? —

Заславин нахмурился, и я поспешила добавить: — Не отвечайте. По правде сказать, вы можете не беспокоиться: я уже больше двух лет причастна к делу Аксенова и связана соглашением о секретности любых сведений, известных мне в связи с ним. Аркадий Яковлевич и отправил меня лично, поскольку считает, — я усмехнулась, давая понять, что это для меня так себе честь, — что я вам тут необходима для налаживания контакта с исследуемым. — Антон Леонидович открыл было рот, явно собираясь возразить мне, но я успела раньше: — Вы знаете, что после задержания я провела с Аксеновым несколько встреч? Аудиозаписи все здесь, — я кинула взгляд на коробку, — но поверьте, чтобы их точно проанализировать, нужно знать Аксенова очень хорошо. Я, например, разрабатывала его психологический портрет и изучала биографию в течение года до его поимки. Собственно, по моей наводке следствие и вышло на Аксенова.

Последние слова я договорила, уже подойдя к окну и с преувеличенным интересом разглядывая пейзаж. Я изо всех сил старалась выглядеть незаинтересованной, даже беспечной и про себя молилась, чтобы сказанное мной так и выглядело - не как бахвальство и самореклама (чем оно и являлось по сути), а брошенная вскользь истина.

Заславин молчал, а я не решалась посмотреть на него, хоть и ужасно хотела проверить его реакцию - удивлен ли он, впечатлен или же раздражен моими словами и в нетерпении ждет, когда я удалюсь.

Не выдержав, я наконец обернулась. Пока я говорила, молодой доктор вернулся на свое место и теперь сидел, нахмурившись, и глядел куда-то вниз - очевидно, на сцепленные под столом пальцы или свои колени. Худой и бледный за гигантским письменным столом он показался мне маленьким мальчиком.

Словно бы очнувшись от своих мыслей и вдруг заметив затянувшееся молчание, он поднял на меня глаза:

— Лично? — спросил он, и я непонимающе уставилась на врача. Облокотившись о стол и потеряв ладонями несуществующую бороду, он добавил: — И сколько именно личных бесед вы провели с Аксеновым? Под протоколом?

— Шесть или семь, — я пожала плечами, показывая, что не придаю всему этому большого значения, хотя точно знала, что бесед было ровно шесть. — И нет, не под протоколом. Строго говоря, мой допуск к подозреваемому произошел как бы в обход процедуры и случился также благодаря Аркадию Яковлевичу. — «И моим личным заслугам» — хотелось бы вставить, но я не стала: похвал самой себя на сегодня было явно достаточно.

Услышав мой ответ, Заславин вновь погрузился в раздумья, сложив руки домиком над переносицей. Я же, не дожидаясь приглашения, уселась на стул напротив него и замолчала в ожидании вердикта.

Я здорово рисковала, пойдя на блеф. Я заявила, что профессор посчитал меня необходимой Заславиной, что, если начистоту, было совсем не так. Я боялась разоблачения, что врач поднимет меня на смех, заявив, что ему и так все про меня известно и ничего кроме моих записей ему от меня не требуется. Но теперь я видела, что существование аналитика, который вел дело Аксенова еще задолго до поимки, наблюдал его после задержания и даже провел с ним несколько личных бесед, было для врача сюрпризом. Он явно был предупрежден о моем визите, но, очевидно, понятия не имел, кто и что ему привезет. «Студентка?», — он был уверен, что я просто помощница на побегушках с кучей бесполезных бумаг!

Теперь я чувствовала, что у меня появился шанс, отчего сердце заколотилось, а уши вспыхнули. Я незаметно сделала медленный длинный выдох, чтобы унять сердцебиение - спешкой, волнением я могла все испортить!

Между тем, доктор снова поднялся, вышел из-за стола, и теперь настала его очередь задумчиво прошагать к окну. Встав спиной ко мне, он разглядывал облезлый вид больничного двора и, отодвинув полы халата в стороны, засунул руки в карманы.

— Признаться, Маша, вы меня озадачили. Вы ведь позволите мне себя так называть? — он сделал полуоборот в мою сторону, но так и не посмотрев на меня, снова вернулся к окну. Мой кивок в ответ на его вопрос, ясное дело, остался незамеченным. — Аркадий Яковлевич не обсудил со мной ваше непосредственное участие в эксперименте. Не обижайтесь, — и опять «риторический» полуоборот в мою сторону. — Будь на вашем месте кто угодно другой, я бы уже сейчас звонил старику и настаивал на сохранении прежних договоренностей. Откроюсь вам, — тут он резко обернулся и посмотрел прямо на меня, — проводимое мной исследование очень специфично. Результаты могут быть революционны, и тогда оно прославит нашего с вами профессора (да-да, именно его, поскольку он тут гарант, спонсор и научное лицо эксперимента). Но это возможно, лишь в случае соблюдения всех моих требований. В частности, я не приемлю внешний контроль и вмешательство в мою работу. Но в вашем случае... — доктор помедлил, — признаю, что информация, которой вы располагаете... мм, ваши наблюдения... Мое научное чутье просто не позволяет мне всем этим пренебречь... Хотя, честно вам скажу: уже сам факт, что Аркадий Яковлевич принял решение за моей спиной, вызывает во мне острое желание, как бы это сказать... взбунтоваться. Но, возможно, и не стоит ссориться со стариком?

Последние слова он произнес себе под нос в глубокой задумчивости, отчего у меня сложилась уверенность, что Заславин адресовал их самому себе. От того я даже вздрогнула от неожиданности, когда он вновь обратил лицо ко мне и спросил с неожиданно хитрой мальчишеской улыбкой:

— Как считаете?

Я оцепенела. Признаваться психиатру в том, что Аркадий Яковлевич был ни сном, ни духом о нашей беседе и моих вольных заявлениях, не представлялось ни малейшей возможности, в то же время, именно выдуманная мной профессорская рекомендация и останавливала Заславина от сотрудничества со мной! Вариантов было не так уж много, и я решила придерживаться изначальной легенды: я поднялась и, пожав плечами, сказала:

— Навязываться не буду, Антон Леонидович. Скажу вам прямо: мне было бы чрезвычайно интересно продолжить наблюдения, субъект исследования крайне занятый, а дебри его психики порой кажутся мне непостижимыми. Но я уже успела довольно глубоко копнуть и готова предоставить вам полный доступ ко всем моим данным. При этом я ни на что не претендую: мне нужна практика, а не научное имя. Я хочу развиваться в судебной психиатрии, хочу работать в поле, а не публиковать статьи. Наши с вами интересы не пересекутся, но мы можем быть очень полезны друг другу. И все же решать вам - готовы ли вы делиться информацией со мной? У меня пока нет ни малейшей ясности, одни вопросы. Каков предмет вашего исследования? Какова его цель? Где, наконец, сам испытуемый? Я сильно сомневаюсь, что преступник, осужденный на пожизненное, может содержаться здесь - в не совсем рядовой, но все же больнице, а не в тюрьме. Я не увидела здесь ни надзирателей, ни полноценной охраны. А если его нет в клинике, то тогда что происходит здесь? Мне понадобится получить все эти сведения, если мы планируем совместную работу, Антон Леонидович, но, как я уже сказала: выбор за вами.

Все еще стоя, я оперлась о спинку своего стула и, вздернув подбородок, с вызовом взглянула на Заславина.

Мы, наверно, забавно смотрелись со стороны - оба несолидные, слишком молодые, задиристые, как два гуся на птичьем дворе. Что ж, мы и впрямь были похожи: оба профессорские протеже, недооцененные, недохваленные, оба явно страдали от привычно ущемленной гордости и большого самолюбия, оба одержимые своей целью, вечно голодные. И все же, может быть, именно это сходство и заставило нас тогда обратиться друг к другу, довериться, искать друг у друга поддержки?

Поглядев на меня еще мгновение, Антон Леонидович вздохнул и, как бы расслабившись, присел на подоконник и тихо рассмеялся.

— Что ж, Маша, вы многого просите, но ведь меньше нет никакого смысла, да? — дождавшись моего ответного кивка, он сделал два шага вперед, протянул мне руку и небрежно, как бы между делом кинул: — Ну так давайте сотрудничать, и пусть из этого выйдет толк! — После короткого рукопожатия, он резко рванул к своему столу, быстро нацарапал ручкой на желтом картоне новый пропуск и протянул его мне со словами: — Приезжайте завтра прямо к девяти, введу вас в курс дела. И да! — добавил он, когда я, сдержанно улыбнувшись, направилась к двери, — везите все, что у вас есть. — Он едва заметно подмигнул мне и снова опустился в свое кресло, а я, пока шла от своего стула к выходу, чувствовала на своей спине его напряженный взгляд.

Я быстро спустилась по лестнице в холл, пересекла вестибюль и почти что бегом вышла из здания, будто боялась, что Заславин догонит меня и сообщит, что передумал. Только оказавшись на улице, я перевела дух.

Пока мы беседовали, дождь перестал. На асфальте, газонах, подъездных дорожках разползались черные лужи, ото льда и снега (если они и были здесь с утра) не осталось ни малейшего следа. Солнце скользило сквозь топорщившиеся в разные стороны ветки деревьев и быстро нагревало воздух, который хотелось глотать большими глотками, вдыхать полной грудью — таким непривычно чистым и теплым он был. Где-то высоко сладко повизгивали синицы и ворчливо трещали грачи, и даже редкое воронье гарканье, обычно мрачное, словно предвещавшее беду, во всей этой весенней идиллии показалось мне приветливым и почти игривым.

Все еще взволнованная беседой и будто бы захмелевшая от свежего воздуха, я обогнула здание администрации и прошла еще с пол квартала, пока не осознала, что понятия не имею, где выход с территории больницы. На пути к Заславиному я семенила за охранником, оглядываясь вокруг исключительно с любопытством, но без малейшего стремления запомнить дорогу, и теперь единообразные серые корпуса, черные деревья и редкие деревянные лавочки сомкнулись вокруг меня таким кольцом, монохромным лабиринтом, в котором невооруженным взглядом попросту невозможно было разглядеть выход.

Но я и не возражала. От избытка мыслей и чувств у меня кружилась голова, и я совсем не против была чуток подзадержаться. На цыпочках, стараясь не испачкать ботинки, я пробралась сквозь газон к мокрой белой деревянной лавке и, смахнув перчаткой капли воды, присела на краешек крашеной спинки. Меня распирало от ликования, а от перевозбуждения слегка тряслись пальцы.

Ужасно захотелось курить. На такой случай в подкладке сумки у меня была зашита сигарета, и, не тратя времени на сомнения, я быстрым движением вспорола тонкую ткань. Формально я давно бросила, но что мне, в конце концов, было терять?

Из-за тремора прикурить удалось не сразу, и когда я наконец затянулась, от облегчения я чуть было не сползла с лавочки напрямик в весеннюю грязь. Как по волшебству, мир вокруг меня замедлился, мысли в голове, что еще секунду назад скакали, как белки, внезапно словно зависли в воздухе, в кончиках пальцев закололо, а язык во рту размяк и немножко распух. В глазах поплыло, на меня булыжником навалилась лень.

Из-за своего почти сонного состояния, в первое мгновение, когда я увидела метрах в пятидесяти от себя знакомый силуэт, я даже не удивилась. Подумала, что раз я сплю, то и встретить во сне могу кого угодно. Но уже в следующую секунду я встряхнулась и уставилась на высокую мужскую фигуру во все глаза.

Я напрочь забыла про вожделенную сигарету, разомкнув пальцы, уронила ее на землю и, не очень понимая, что делаю, двинулась навстречу мужчине.

На нем была синяя стеганая дешевая куртка, надетая поверх белой больничной пижамы, и резиновые сапоги, явно не по размеру. Он быстро шел, засунув руки в карманы и опасливо озирался по сторонам. Взъерошенный, испуганный, он был похож на ребенка — пацана, которого в любой момент могут застукать за шалостью.

Завидев меня, он сбавил скорость и принялся будто бы невзначай прижиматься к обочине, словно готовый в секунду рвануть в кусты, и, когда я направилась напрямиком на него, мне всерьез показалось, что он собирается это сделать.

Приблизившись, я уже готова была заговорить с ним (хоть и понимала, что это может испортить только-только налаженные отношения с психиатром), но что-то во взгляде мужчины заставило меня передумать, закрыть рот, развернуться и зашагать себе дальше в поисках выхода.

Человек этот увидел меня, а, увидев, явно встревожился, но все же взгляд его - чужой и будто стеклянный - скользнул по мне, как по фонарному столбу или проехавшему мимо автомобилю.

Ошарашенная, на подкашивающихся ногах я удалялась от этого мужчины, не чувствуя земли под ногами.

Я пыталась уложить в своей голове два факта, каждый из которых, казался мне полнейшим абсурдом. Первый факт: это совершенно точно был Аксенов, безумный, сам не свой, свободно разгуливающий по территории больницы, но точно он! Второй факт: он совершенно точно меня не узнал!

Антон

Глава 7

Было уже за полночь. Я сидел в своем кабинете в полной темноте, уставившись на белеющие, рассыпанные на столе документы, и думал. Вернее, мне казалось, что думаю – на самом деле, мой взгляд отупело уперся в серовато-желтую от света уличного фонаря полоску бумаги, а в голове вертелась только одна мысль: насколько заметно со стороны, как давно я не сплю?

Я чувствовал себя зомби, который бродит по коридорам клиники в бессмысленной жажде движения, лишь изображая из себя живого. Как мертвец, обезглавленное тело, у которого все еще шевелятся пальцы рук.

Вот и сегодня я остался на работе до глубокой ночи, хотя от моего присутствия здесь уже давно не было никакого толка – мозг отказывался соображать – но и ехать домой, чтобы изучать потолок под мерное тиканье часов и тихие шаги матери за дверью, было худшим из всего, что я мог сейчас сделать. Уж лучше было съесть в ближайшем баре бутерброд, запить его крепким пивом, а потом вырубиться на час или два в машине на парковке у бара. Часов в пять уже можно будет вернуться на рабочее место, принять душ в ординаторской и сменить рубашку. Пара штук, неглаженных и уже наверно отсыревших, должно быть, лежали в нижнем ящике стола. Стоило протянуть руку, чтобы проверить, но не нашлось сил, чтобы даже пошевелиться.

Я прикидывал в уме, вяло ворочая мыслями, будто кочергой дрова в камине: если я буду здесь снова в шесть, то мне хватить времени хоть немного подготовиться к приезду нового психолога. Она велела мне называть себя Машей, вот так по-свойски. Интересная дама. А заметила ли она, что со мной не все ладно, раз уж она такой профессионал? Я в этом сомневался.

Я подумал, что, пожалуй, только Аня, медсестра, одна из всех что-то видит и понимает. Сегодня я заметил, ее настороженный взгляд, сдвинутые домиком брови, у меня возникло ощущение, что она меня сканирует насквозь, будто прошивает эдакой острой иглой в швейной машинке. Такая крохотная, а, похоже, что только она фиксировала с точностью аналитика спецслужб все мои «странности»: красные глаза, суженные зрачки, пальцы, которые начинали предательски дрожать, стоило мне слегка отпустить контроль.

Вот и пару часов назад (пару ли? Или уже часов шесть?) она принесла мне отчет по Аксенову, встала перед столом и предложила:

— Давайте-ка я заварю вам чаю, Антон Леонидович? — и посмотрела так, как на ребенка, которого не стоит оставлять одного со спичками – сочувственно и, в то же время, укоризненно.

Я поднял на нее свое усталое лицо и, черт возьми, просто, не удержавшись, произнес:

— Аня, посидите со мной.

Она с сомнением поглядела на часы и слегка скосила взгляд куда-то в бок, словно бы в поисках поддержки, вздохнула, но все-таки села напротив.

— Как он вам? — я подобрался и из последних сил напустил на себя официальный вид. Мне следовало немного успокоить ее, усыпить бдительность – пусть думает, что у нас только деловой разговор, а то сидит, напрягшись, как шпагу проглотила. Ну и неплохо было бы заставить ее забыть о моей секундной слабости («посидите со мной» — вот же идиот!).

Первую цель как будто удалось достичь: Аня приободрилась и даже чуть-чуть расслабилась, начала докладывать:

— Он совсем дезориентирован, Антон Леонидович! После вашей последней беседы он все бродил по палате, всклокоченный, рассеянный. Метался, как птица в клетке. Он бледный, сил практически нет, ходит, шатаясь, но вышел из палаты, сначала принялся ходить по коридорам клиники – идет просто прямо, глаза стеклянные, сам не понимает явно, куда и зачем.

Пациентов пугает. Потом и вовсе вырвался на территорию больницы, я только успела накинуть на него куртку (взяла у дежурного), но, как вы и велели, удерживать не стала, — Аня перевела дух, проглотила слюну и, опасливо поглядев на меня, вновь сосредоточенно заговорила: — Он походил взад – вперед, шарахаясь ото всех, кто мимо проходил. С виду, натуральный псих, честное слово! Потом, слава богу, позволил отвести себя обратно в палату.

Я усмехнулся:

— Так он и есть псих, Анечка, куда уж натуральнее!

Она опустила глаза и, поджав губы, ответила с неприкрытой обидой в голосе:

— Ну да, но все-таки не такой, чтоб болтаться по улице с безумным взглядом! Будто бы вы сами не понимаете.

Стиснув зубы, я чуть более пристально взгляделся в нее. Что-то в ней изменилось и мне это совсем не нравилось – другая прическа и вроде бы даже макияж? Поддалась знаменитому обаянию испытуемого? Или просто я все верно рассчитал, и это Аксенов проглотил крючок и уже сам думает, что расставляет сети?

Кашлянув, я сделал ей знак продолжать:

— Еще что-нибудь?

Аня подняла на меня свои оленьи глаза, не в силах спрятать досаду, и сказала, что больше ничего. Это в ней подкупало меня больше всего – неспособность ничего от меня скрывать, как и ее удивительное умение видеть меня насквозь. Ну, почти насквозь.

Сделав вид, что сверяюсь со своими записями, я спросил:

— Что посетительница?

Аня сначала непонимающе посмотрела на меня, но потом, словно бы что-то припомнив, быстро ответила, глядя при этом куда-то в сторону:

— Все благополучно. После беседы с вами покинула территорию больницы.

Аня сказала это, отчеканив, как заученную формулировку, и мне стало понятно, что гостью она в глаза не видела.

Я кивнул и, хотя много бы отдал сейчас за ее компанию, попросил Аню оставить меня одного.

Провожая взглядом ее узкую напряженную спинку, я не мог отделаться от мысли, что чем-то эти две женщины были странно похожи. Женщины! Смешно, конечно: обе они две зеленые девчонки. Только одна - полуграмотная медсестра с круглыми щеками и безошибочной интуицией, а вторая – тощая, угловатая, с поджатыми губами и непомерным эго, кандидат наук. Но – возраст, телосложение, цвет волос и глаз, да даже прическа – все это совершенно точно соответствовало профилю всех жертв Аксенова. И если Аня тут была неслучайно, то Мария Богданова, скорее всего, оказалась подарком судьбы. Или, наоборот, насмешкой судьбы надо мной самим и моим излишне претенциозным проектом? Может и так, но было слишком соблазнительно подпустить к Аксенову психолога, изучившего его почерк вдоль и поперек и, при том, идеально подходящего под портрет его жертвы.

Интересно, а осознавала ли это сама Богданова? Что, сидя с ним наедине в допросной (семь личных встреч, подумать только!), она была словно блюдце сметаны у лап голодного кота? Может быть, это ей и нравилось? Может, именно это ее возбуждало? Не зря же говорят, что каждый психиатр всегда и сам наполовину псих.

Заметив в зеркале свою перекошенную ухмылку, я провел рукой по лицу, стремясь поскорее стереть с себя этот явный признак безумия. Что греха таить, я и сам был не слишком стабилен. Взять хотя бы эту чертову бессонницу. Казалось, что каждую секунду, которую Аксенов проспал под воздействием снотворных, он украл лично у меня, у моего сна! Ведь ровно с начала эксперимента я полностью потерял способность к нормальному отдыху, будто бы органически разучился это делать. И если я и впадал в забытие, то ненадолго и будто бы случайно проваливался в кошмар, который не приносил мне никакого отдыха.

И все-таки что-то мне в этой Марии Богдановой – Маше – казалось странным. Вовсе не то, что она была явной невротичкой. Старик сказал: анорексичка; это я мог и сам определить сходу своим профессиональным взглядом: нездоровая худоба, затравленный взгляд, покрасневшие от ссадин костяшки пальцев. Я такого успел повидать немало за годы практики – следы от зубов. Девушки, которые регулярно суют себе два пальца в рот, вызывая рвоту, царапают себе зубами до крови кожу на костяшках кистей рук. Эти багровые пятна на руках, как печать, опознавательный знак всех булемичек-анорексичек. Бедняжки, конечно, ежесекундно прячут свои руки в карманы или рукава, но для меня этот судорожный жест (натягивание рукава на кулак) уже сам по себе сигнал присмотреться внимательнее.

Так вот, дело было не только в ее неврозе (каждый, если пристально взглядеться, по-своему невротичен), но и в чем-то еще. Слишком уж лично относилась эта женщина к делу. И в этом, казалось бы, не было ничего удивительного – для молодой ученой такое громкое дело! И все-таки этого было недостаточно. Может, в ее одержимости все-таки был некий суицидальный порыв – порыв мухи, сознательно летящей в лапы паука?

Я снова криво усмехнулся и, тут же устыдившись своей усмешки, поспешно встал из-за стола. Сколько же я просидел здесь в полной темноте с момента ухода Ани? Спина затекла, и ноги почти не слушались. Я провел рукой по голове и с отвращением отдернул руку – грязные волосы свисали на лицо засаленными прядями. Неудивительно, что Ане не терпелось отсюда уйти, да я и сам предпочитал оставаться наедине с собой в полном мраке! Глядеть на свою немытую опухшую физиономию было невыносимо. Но и ехать к матери было никак невозможно. Только не сейчас! Не то она снова запустит свои щупальца в мой мозг, и все запланированное мной опять полетит к чертям. Ну уж нет, я не подпущу ее к себе и близко, пока все не доделаю.

Стянув с себя халат, я бросил его вывернутым наизнанку на спинку своего стула, завязал волосы на затылке канцелярской резинкой и снял с вешалки в углу зимнюю куртку. В ней уже было жарко, но чтобы сменить ее, пришлось бы заезжать к матери. Я был готов потерпеть, лишь бы не возвращаться домой.

Выйдя из клиники, я направился было к проходной, но в последнюю секунду, свернул направо и сделал круг в несколько кварталов, чтобы прогуляться до корпуса семь. По-весеннему теплый, но все еще сильный ветер залетал мне за шиворот, раздувал, как паруса, полы моей расстегнутой куртки, приятно охлаждал шею и виски. Я шел по неухоженным дорожкам больничной территории, то и дело наступая ботинком то в грязь, то в лужу – света фонарей хватало лишь на освещение небольшого куска тротуара у входа в корпуса. Мои ботинки промокли.

Нашарив в кармане электронную сигарету, я вдохнул сладкий дым и все-таки запахнул куртку плотнее и, как раз дойдя до седьмого корпуса, задрал подбородок к небу. Окно Аксенова я нашел легко – второе справа, третий этаж.

Сукин сын не спал! В окне горел свет, и я вроде бы даже разглядел его силуэт. Хотя, может, и померещилось?

Решеток на окне не было, да что там, весь объект охранялся кое-как: несколько охранников на проходной, двое – в административном корпусе, и по одному – в лечебных корпусах. Но Аксенов и не пытался сбежать. Неужели все складывалось так чертовски гладко, и он действительно все забыл?!

Я не удержался и тихо засмеялся себе под нос и даже наградил себя еще одной затяжкой сладковатого вязкого дыма. После чего сунул сигарету в карман, застегнул куртку до подбородка, засунул руки в карманы и поспешил к машине.

Бар и бутерброд отменялись. Нужно было придумать себе нормальный ночлег.

Сев в машину, я вырулил на шоссе, наклонившись чуть вперед к рулю, внимательно всматриваясь в темноту. Довольно скоро должен был появиться ближайший населенный пункт с заправкой, баром и дешевым отелем для дальнобойщиков. На первое время стодится.

Меня слегка трясло от радостного возбуждения, усталость как рукой сняло, так что о сне оставалось только мечтать. Но нормальный душ, бритва и, может быть, даже горячий завтрак с утра – все это сейчас было в приоритете. И, кто знает, чистые простыни (если повезет) могут сотворить чудеса. Я поймал в зеркале заднего вида свое отражение – красные глаза, темные круги под ними, хищный оскал – не удержался и засмеялся в голос.

Ну поглядим, Илья Алексеич, кто кого! Ну, поглядим!

Глава 8

Отель надежд не оправдал. Двухэтажное здание с облезлым фасадом стояло в нескольких метрах от заправки и автострады будто бы на выжженной земле. Ни леса, ни поля, ни жилых домов, ни магазинов – только шквалистый сырой ветер, да проносившиеся со свистом мимо редкие машины. Внутри было грязно и пахло бензином.

За крохотной стойкой при входе сидела женщина в синтетической блузе и что-то жевала. Моему появлению она заметно удивилась, несколько раз переспросила, точно ли я буду один и дважды повторила, что за вторую персону полагается доплата.

На мой вопрос о завтраке или, вдруг повезет, даже ужине, дама лишь молча указала на стоявший в углу автомат с кофе и сухими закусками. Смотрела она на меня сначала с подозрением, а после и вовсе предпочла не смотреть и с презрением отвернулась (наверное, приняла за какого-нибудь извращенца или гомосексуалиста, что для нее, полагаю, было одним и тем же).

С трудом сладив с автоматом, я взял себе кофе и упаковку бисквитов и побрел наверх.

За душ в номере мне пришлось доплатить, но оно того стоило – номер с душем очевидно был не так популярен, ремонт здесь был относительно свежим, мебель – целой, не пахло ни бензином, ни затхлостью, из крана – о, чудо – текла горячая вода.

Простыни, правда, были сероватыми, а подушка – изрядно потрепанной, из тонкого, местами бугристого синтепона, но пятен на простынях не наблюдалось и это уже было слава богу.

Совершив беглый осмотр комнаты, я залез в душ, где тщательно намылил голову мылом, а потом еще минут пять стоял под горячей струей, пока кожа не покраснела, затем растерся крохотным вафельным полотенцем, побрился одноразовой бритвой и постирал трусы.

От мыла волосы стали жесткие, мне пришлось долго распутывать их перед зеркалом. Когда я почистил зубы одноразовой зубной щеткой, размером с палец, времени уже было почти два.

Я был доволен, вся эта гигиеническая возня утомила меня почти как полноценный рабочий день. Когда я лег в постель, веки мои почти смыкались. Я представил, как мать, одна в квартире, смотрит то на входную дверь, то на телефон, не решаясь мне позвонить. Правильно – ночные звонки я пресекал всегда жестко. Хочет, чтобы я хоть иногда приходил к ней – пусть помнит, что я не ребенок и не потерплю контроль. От чувства мстительного удовлетворения тепло, как от рюмки коньяка, растеклось по моему телу. Я дотянулся до прикроватной тумбочки и погасил свет.

Но сон не шел. Перед глазами мелькало то лицо матери, то Ани, то новенькой психологички Маши. Я попытался намеренно вызвать в памяти растерянное лицо Аксенова – его воспаленные глаза, тревожно бегающий взгляд, всклокоченные волосы. Нестриженный, толком не мытый он сейчас мало кому мог бы понравиться. Я вспомнил свое отражение в зеркале – что ж, даже измученный бессонницей, я был не так уж и плох.

Я повернулся на бок и посмотрел в окно. От света стоявших вдоль трассы фонарей небо даже сейчас, глубокой ночью казалось темно-серым. Ни луны, ни звезд – только клочья облаков, как комья грязной ваты. Я смотрел на них, не отрываясь, не моргая, и облака, подобно растекшимся чернильным кляксам, обретали жутковатые, но такие реальные очертания – крючковатый нос старой ведьмы, нависшие брови, узкий, как нож, длинный подбородок. У матери тоже был узкий и длинный подбородок, я и сам в детстве боялся, что унаследую это ее уродство. Впрочем, не без оснований: мое лицо, действительно, было, скорее, узким, но со временем – мне повезло – все сбалансировалось, мои черты развились вполне гармонично, грех жаловаться. А вот мать, пожалуй, и правда, была похожа на ведьму.

Облако-клякса расплылось и стало по форме напоминать озеро в деревне из моего детства. По ночам вода в нем казалась такой же черной. И белая дорожка от света луны. Надо признать, вода в озере и днем была довольно темной и мутной. Я брезговал плавать в ней: ил, водоросли, что оплетали мои ноги. Я пытался выпутаться, но ноги проваливались в вязкую жижу и касались чего-то холодного где-то внизу. Я пугался до смерти, кричал, а мать смеялась, говорила, что это «кровь земли», что под покровом почвы, под землей текут подземные воды, как кровь по венам под кожей у человека. От этого сравнения мне становилось еще более жутко.

Но ночью не было ни водорослей, ни ледяной жижи: водоросли оседали, вода вся была однородно холодной и даже казалась чистой. Мы бегали туда купаться тайком, хоть мать и пугала меня подводными воронками, которые могут засосать тебя под землю целиком. Но я тогда уже знал, что ей не стоит верить.

Пацаны сбрасывали плавки и с визгом прыгали в воду всей гурьбой. Я, понятное дело, не раздевался и старался держаться от них на отдалении, но случайно ненароком коснулся одного из них под водой. Помню его скользкую, как шкура змеи, спину, помню, как меня передернуло.

Потом когда я снова заплывал в илистые участки озера, и водоросли снова опутывали меня своими длинными тонкими щупальцами, мне казалось, что я чувствую под ногами скользкие руки, ноги, спину своего приятеля, будто он там под водой и тащит меня вниз, и вот уже я захлебываюсь черной водой, не могу дышать...

Мама!

Подпрыгнув на кровати, я проснулся от собственного крика. Лоб мой был покрыт холодной испариной, волосы были влажными, как и одеяло, и простыня под спиной. Небо за окном белело, зловещие облака растаяли, как сахар в молоке. Я вылез из постели, повесил одеяло сохнуть на дверь ванной комнаты и, не включая свет в ванной, умылся в темноте.

Смочив волосы водой из-под крана и пригладив их кое-как ладонями, я быстро оделся (трусы на батарее не до конца высохли, а несвежую рубашку и вовсе не хотелось надевать, но вариантов не оставалось). Я вышел на балкон со вчерашними кексами и остывшим кофе, поставив влажные волосы холодному мартовскому ветру.

От ночного кошмара меня еще лихорадило, но было уже семь утра и, значит, я проспал без малого пять часов! Я чувствовал себя почти отдохнувшим, хоть и слегка взбудораженным. Засунув кексы один за другим целиком в рот, я выпил стакан кофе в три глотка, взглянул на себя напоследок в зеркало и спустился к стойке регистрации.

Заспанная, с помятым лицом администраторша, несказанно удивилась, когда я выложил перед ней деньги за номер за неделю вперед. Я чувствовал, как она провожала меня жадным любопытным взглядом, когда я выходил из душного, непроветренного помещения на свежий воздух.

Перед тем, как сесть в машину, я заглянул на заправку, где взял себе горячего кофе, и, поставив бумажный стаканчик на крышу машины, дважды затянулся электронной сигаретой. Теперь в утреннем свете пейзаж вокруг меня выглядел по-другому, правда едва-едва – все тот же пустырь, мусорная свалка вдалеке, покосившиеся хибары, разве что облупившийся фасад

здания придорожной гостиницы казался еще более жалким. Ну да, что поделаешь, на ближайшие дни это был мой дом.

Глотнув еще разок черного кофе, который на холодном ветру уже почти остыл, я забрался в машину и порулил в сторону клиники. Времени на подготовку у меня оставалось впрытк.

Я любил приезжать на работу первым, когда дежуривший ночью персонал еще дремал, а новая смена еще не заступила. В такие часы клиника даже казалась мне уютным домом, мирно спящим своим самым сладким предрассветным сном. Тогда я даже умудрялся не думать, о том, какие темные души укрывал под своей крышей этот дом.

Но сегодня мне не повезло: когда я шагал по территории больницы к корпусу администрации, было уже без десяти восемь. Больничные корпуса гудели звуками утренней работы: звенела посудой кухня, мелькали в окнах и сновали из корпуса в корпус деловитые медсестры, громыхали тележки с едой и медикаментами.

Раздраженный от окружившей меня суеты, я практически вбежал в свой кабинет, стремясь хоть на короткое время остаться в одиночестве. Повесив куртку на вешалку, я быстро поменял рубашку и постарался хоть как-то привести в порядок свой белый халат, который вчера я не потрудился даже вывернуть, а оставил скомканным на спинке стула. На рубашке остались заметны следы сгиба (она пролежала сложенной в столе, наверное, пару недель), но она была белоснежной и чистой и даже слегла пахла стиральным порошком. Я вдохнул поглубже ее запах, разгладил на груди, как смог, особенно заметные складки и застегнул на все пуговицы белый халат (чтобы прикрыть то, что разгладить не удалось), снова намочил и причесал перед зеркалом волосы. В целом, я остался собой доволен.

В центре кабинета так и стояла нетронутая мной со вчерашнего дня привезенная Машей картонная коробка. Засунув руки в карманы, я не спеша подошел к ней и осторожно заглянул внутрь.

Несколько папок с бумагами, две флешки, завернутая в прозрачный файл для документов стопка фотографий. Я достал флешки и фотографии (коробку же запер в шкафу для бумаг, засунул на самую верхнюю полку, чтоб не мозолила глаза) и сел за свой стол. Включил компьютер, подключил одну флешку и разложил перед собой фотографии.

Я ожидал увидеть фото с мест преступлений, но нет – здесь были лишь снимки Аксенова до и после задержания. Фото наружного наблюдения, фото с допросов (на них он был в очках, и мне это показалось странным и непривычным). Я видел его лишь после пробуждения – нервным, взвинченный, потерянным. Ну и спящим, естественно. Первую порцию препаратов, к сожалению, ему вводили в другом учреждении. Когда мне его привезли, он спал уже несколько дней.

Я был, разумеется, против. Это был мой эксперимент, и каждый этап медикаментозного вмешательства был мной рассчитан с ювелирной точностью. Доверить самую ответственную – первую – часть эксперимента другому было просто невыносимо. Но не я здесь диктовал условия. Аркадий Яковлевич сразу сказал, что сам введет Аксенова в искусственную кому, он аргументировал это так:

— Мое имя будет стоять в графе автора исследования, Антон Леонидович! Мне защищать ваш эксперимент на научном совете! Мне отвечать перед начальством, если что-то пойдет не так. И, значит, мне и начинать все это. Главное же, дорогой мой, чтобы при любом развитии событий у Аксенова не было ни малейшего шанса вас узнать, согласны?

Последний аргумент уложил меня на обе лопатки.

Поэтому при первом моем знакомстве с испытуемым, Аксенов спал. При втором – дрожал, как ребенок, очнувшись уже в палате. А здесь на снимках – в очках, румяный, причесанный, спокойный – это был просто другой человек!

Я выбрал из стопки снимок, где лицо Ильи Алексеевича было снято особенно крупно. Квадратная металлическая оправка, модная стрижка, задумчивые сине-зеленые глаза. В своем

профессорском амплуа он, пожалуй, имел наиболее выигрышную позицию для выбора и заманивания жертв. Не студенток, нет, для этого он был слишком умен и осторожен, но подобному субъекту было также легко втереться в доверие и к любой другой молодой женщине. Идеальная речь, аккуратная внешность, весь этот ореол порядочности.

Я не удержался от тихого смеха (мог себе позволить, пока был в кабинете один) – я бы не удивился, если и Маша Богданова, тощая и нервная отличница, вчерашняя студентка, купилась на этот обманчивый облик, хотя и знала об Аксенове практически все.

Поэтому она была им так одержима? Что могло двигать такими женщинами? Желание спасти? Перевоспитать?

Я потянулся за мышкой, желая взглянуть на содержимое флешки, но меня прервали – в дверь резко постучали.

— Да? — я поднял голову. В двери показалось узкое лицо парнишки с КПП.

— Мария Богданова по временному пропуску, — доложил он, и я, поморщившись, отодвинул мышку и убрал фотографии в ящик стола.

— Пропустите. И, да! — я окрикнул парня, который уже чуть было не исчез в дверном проеме. — С завтрашнего дня можете не провожать, я выпишу Марии постоянный пропуск.

Он кивнул, а я поспешил заняться пропуском, дав психологу возможность пару минут лицезреть мою макушку.

— Антон Леонидович! — я услышал ее низкий, чуть царапающий голос несколько мгновений спустя. Я посмотрел на нее, одновременно протянув готовый пропуск.

— Маша! Доброе утро! С завтрашнего дня будете заходить без провожатых. Пока поработаете здесь, рядом со мной, а потом придумаю вам рабочее место. Как добрались?

Она вежливо кивнула и присела на стул напротив.

Сегодня она выглядела совсем по-другому – не было в ней ни вчерашней воинственности, ни одержимого блеска в глазах. Сегодня на меня смотрел беспомощный ребенок, маленькая девочка с искусанными губами, нервно теребящая манжету своей рубашки.

Лицо ее было бледным, совсем немного подкрашенным, стриженные по плечи и зачесанные за уши волосы открывали маленькие белые мочки ушей с крохотными сережками-гвоздиками, в вырезе рубашки виднелась тоненькая серебряная цепочка.

Маша была одета в строгий синий шерстяной костюм, в котором, казалось, ей было жарко и тесно. Она поерзала на стуле.

— Пока мы не начали, Антон Леонидович, — ее взгляд метнулся к потолку, потом резко на пол, потом она боязливо посмотрела за свое плечо, как будто там мог кто-то стоять. — мне необходимо кое-что вам признаться. В прошлую нашу встречу... Антон Леонидович, вчера... я вас обманула!

Глава 9

Я откинулся на спинку своего кресла и, прищурившись, поглядел на нее. Так-так-так, еще не приступила к работе, а уже сюрпризы. Ну, и как же, Машенька, вы меня обманули?

Вслух я ничего не сказал, продолжал буравить ее взглядом, оставив без малейшей поддержки, пусть выкручивается, как может, раз уж решила с порога огорошить меня своим признанием. Вот тебе и психолог – ни малейшей попытки прочитать и просчитать своего собеседника, действует, как истеричная девчонка. Сапожник без сапог!

Она, и действительно, села, как провинившаяся школьница – на самом кончике стула – кусала губы и смотрела в пол.

Наконец она произнесла:

— Вы не подумайте, Антон Леонидович, все, что я сказала вам насчет моей работы с Аксеновым, абсолютная правда, без преувеличений! Более того, я захватила сегодня с собой,

— она указала взглядом на объемную кожаную сумку через плечо, из которой торчали пластиковые папки с документами, — те материалы, которыми я не делилась со следствием. Здесь: анализ географии деятельности Аксенова (как вы помните, она довольно обширная), а также, — Маша робко усмехнулась, — мои попытки воссоздать его юность и детство, период жизни до его появления на кафедре Философского факультета. Это чрезвычайно разрозненные, обрывочные сведения. Вам наверняка известно, что сам Аксенов отказался предоставлять нам какую бы то ни было информацию об этом периоде своей жизни. У меня даже была теория о его частичной амнези...

Я перебил Богданову на полуслове:

— Вернемся к вашему обману, Маша! Обсудить материалы дела мы сможем и позже, — я произнес это металлическим голосом, дав ей понять, что ей не удастся играть со мной в игры — либо мы занимаемся делом серьезно, либо пусть проваливает. Кокетства и истерических манипуляций я не потерплю.

От моего резкого тона, она запнулась, поперхнулась, будто вот-вот закашляется, схватилась за горло, но через мгновение, словно бы переборов приступ, продолжила спокойно, только вот голос ее стал еще более скрипучим:

— Я блефовала вчера, — выговорила она, снова откашлялась и теперь заговорила спокойно: — Я бравировала поддержкой Аркадия Яковлевича, пыталась убедить, вас, что послана им для участия в исследовании, но это неправда. Он... он лишь попросил меня предоставить документы, — Маша с такой силой впиалась ногтями в собственные пальцы, что они побелели. На мгновение мне даже показалось, что сейчас раздастся скверный хруст или брызнет кровь. Меж тем, она продолжала: — Это возможно не так и важно, но я поняла, что не смогу работать, ежедневно ожидая разоблачения. Простите меня, Антон Леонидович, я понимаю, что сейчас вы будете правы, если выставите меня за дверь за подобные... фокусы, — она явно с трудом подобрала это слово и проговорила его, как незнакомое. — Но, если вы позволите мне остаться, то примите мои заверения, что это была моя первая и последняя попытка покривить душой. Я потому и решила выложить вам все начистоту, что категорически не хочу работать в условиях недомолвок!

Она говорила, с трудом поспевая за собственной мыслью, тараторила, будто боялась, что ей не дадут договорить, и, когда наконец замолкла, то посмотрела на меня почти умоляюще, и я еле удержался, чтобы не расхохотаться. Ее наивное желание дружить, держась за мизинчики, умиляло, мою злость и недоверие смыло, как дождем. Так что, кто знает, может быть, она все-таки меня переиграла?

Тем не менее, глядела она на меня теперь абсолютно искренне — моля и ожидая вердикта.

Я крутанул на своем кресле так, чтобы оказаться к ней спиной и уставился в окно. Пусть еще понервничает, взирая на мой затылок. Дешевый эффект, но сейчас я мог себе его позволить.

Эта Маша Богданова меня забавляла. Ее невинная ложь, по сути, была такой незначительной, что можно было легко закрыть на нее глаза, если бы она не грозила стать своего рода прецедентом. Прощать обманщиков при работе над столь секретным делом было бы чрезвычайно глупо. Доверие в таких делах первично.

Но, с другой стороны, кому я здесь вообще мог доверять? Меня окружали лишь те, кого просто пока еще не поймали на лжи. Так, может, ее честность сейчас, ровно наоборот, только придавала ей очков? Теперь я видел ее и в момент лжи, и в момент признания, а это неплохой анамнез для дня знакомства.

Ну, а что касается вновь открывшейся истины... В общем-то, именно ее протезированность профессором еще вчера пугала меня больше всего. Теперь оказалось, что никакой протекции нет, а значит старик, а точнее зависимость от старика, для нее, ровно, как и для меня,

была тяжелым грузом. Мы, молодые ученые, зачастую не вольны выбирать себе покровителей, а это подчас сковывает крепче, чем кандалы.

Я снова развернулся к Маше и на этот раз, увидев ее испуганные глаза, позволил себе улыбнуться. Навстречу моей улыбке уголки ее губ тоже едва-едва поползли вверх, но в нерешительности остановились на полпути.

Я произнес, не желая ее больше томить:

— Ну, что ж, Маша, я, пожалуй, готов закрыть глаза на случившееся, поскольку верю в ваше раскаяние. Тем не менее, вынужден предупредить вас, что это аванс, который я делаю вам абсолютно осознанно. В нашем деле, вы сами знаете, весьма специфическом, доверие, лояльность, способность сохранять строгую конфиденциальность, все эти понятия не просто важны, но совершенно необходимы. Вы, конечно, понимаете, что в рамках эксперимента мы создаем особую реальность, в первую очередь, для пациента, но, на самом деле, для всех, вовлеченных в исследование. Каждый, кто контактирует с испытуемым (от медсестры до психотерапевта) знает свою версию этой реальности. И успешность эксперимента во многом заключается в том, насколько нам с вами удастся сохранить эту непростую конструкцию.

Полная правда будет известна только мне. Почти полная, с этого момента – вам. Но только, если сейчас, в процессе нашего с вами неловкого диалога вы осознаете всю важность вашего погружения в эксперимент – погружения, которое исключает ложь и замалчивание – и подтвердите свое согласие. Подумайте. На данном этапе я не вижу смысла заставлять вас подписывать какие-либо бумаги (вы и так связаны соглашением о конфиденциальности), мне необходимо лишь убедиться, что вы действительно понимаете, во что ввязываетесь.

Я замолчал. Сейчас я не был доволен собой. Я не собирался запугивать ее, не должен был быть столь многословен. Я лишь хотел, чтобы она прониклась, но теперь она смотрела на меня почти с подозрением. Что-то было в ее взгляде, будто бы она начала о чем-то догадываться.

Но она тут же поспешила кивнуть и быстро произнесла:

— Вы можете быть уверены во мне, Антон Леонидович!

Я кивнул и вышел из-за стола. Пора было приступить к работе.

Достав из кармана ключ, я отпер допотопный металлический сейф и достал из него увесистую картонную папку. Водрузив ее на стол перед собой, я поспешил запереть сейф, после чего достал из папки несколько листков и протянул их Маше.

— Итак, — начал я, — коротко введу вас в суть. Профессор, вероятно, вас осведомил, что главная задача эксперимента – это изучение мозга Аксенова без привязки к его реальному опыту. Понимаете? То есть у нас нет задачи заниматься исследованием психики убийцы, причин его мании, почерка и прочего, что вы уже так или иначе делали во время следствия и досудебной экспертизы. Уникальность нашего эксперимента в том, что мы попытаемся изучить Аксенова, как обычного человека, то есть человека, в памяти которого нет информации о совершенных им убийствах. Мы, безусловно, изучим его, как биологическое существо – исследуем его мозг и нервную систему, поищем все возможные соматические отклонения, чтобы выявить, отличается ли он от так называемого «нормального» человека с точки зрения физиологии. Но также мы изучим Аксенова с позиции психологии и психиатрии – попытаемся исследовать его душу, проникнем в его сновидения и воспоминания. Но изучать мы будем не искусного манипулятора, психопата, маньяка-убийцу, а человека, который, по его убеждению, никогда никаких убийств не совершал!

Я сделал паузу и взглянул на Богданову. Она слушала меня внимательно, но, судя по тому, как время от времени двигались ее зрачки, слушая меня, она также и обдумывала какие-то свои соображения. Брови ее было сдвинуты, губы поджаты, а пальцы отбивали на коленях дробь. Воспользовавшись тем, что я замолчал, она подняла на меня глаза и быстро спросила:

— Выходит, вы лишили Аксенова памяти?

Я улыбнулся.

— В точку, Маша! Аркадий Яковлевич ввел Аксенова в искусственную кому, а далее уже я здесь самостоятельно в клинике достигал эффекта искусственной амнезии. Я, постепенно увеличивая дозу, вводил ему препараты, блокирующие воспоминания последних лет. Не обошлось и без оперативного вмешательства. Это, безусловно, была лотерея, я не мог просчитать досконально, сколько лет конкретно сотрется у него из памяти – один, пять или десять. Я, к сожалению, не обладатель машины времени, — я улыбнулся, надеясь снизить хоть на йоту градус Машиной серьезности, но девушка и не думала отвечать мне на улыбку: взгляд ее был предельно сосредоточен. Впрочем, я мог ее понять – сама не ожидая того, она оказалась в самом сердце революционного научного открытия, я бы и сам на ее месте трепетал. Эта мысль меня приободрила, и я продолжил, позволив себе добавить в свой монолог немного театральности: — Я не мог перевести стрелки памяти Аксенова на определенный день и час, и потому я решил прибегнуть к трюку. Как психолог, вы знаете, что наша память мыслит образами и символами: мы можем перенестись на годы назад, лишь услышав знакомый музыкальный мотив или вдохнув аромат. Я решил сделать на это ставку. Я заметил на запястьях Аксенова почти полностью затянувшиеся шрамы от давнишней попытки суицида. Шрамы хоть и старые, но быстрого обследования мне хватило, чтобы понять, что они не вполне настоящие – порезы были весьма робкие, неглубокие и совершенно точно не могли привести к смерти. Но мы ведь с вами знаем, что для психической реальности индивидуума это не имеет никакого значения – если попытка суицида была, пусть и не вполне серьезная, за ней все равно стоит событие сильнейшего эмоционального накала. Согласны? Я решил, что оно-то мне и подойдет, и я выбрал тот давнишний суицид для точки «возврата».

Я позволил себе несколько освежить его старые раны (вы же понимаете, в таком деле не должно быть никакой бутафории: если раны есть, они должны болеть), и незадолго до пробуждения Аксенова наложил на запястья пациента бинты. Вид свежих суицидальных последствий должен был отмотать память Аксенова (хорошенько подзатертую специфическими медикаментами) ровно в точку того неудавшегося суицида, а, судя по состоянию швов, он произошел как раз от семи до десяти лет назад, то есть с большой долей вероятности, до его первого убийства.

Риск был велик, план мог не сработать практически в каждом пункте, но первичное обследование пациента показало, что мне повезло! — я снова сделал театральную паузу и закончил заключительным аккордом: — В корпусе семь, Маша, нас с вами ждет не психопат, не маньяк, а практически невинный младенец!

Я даже позволил себе пренебречь дополнительной охраной – головой ручаюсь, что он абсолютно безобиден и уж точно не сбежит. Он боится нас с вами и окружающего мира, куда больше, чем мы его!

Я убедил его, что он нестабилен, он все ищет жену и ребенка, я заверил его, что его никто не ждет. Он осведомлен, что единственный его путь в нормальный мир, это регулярные психоаналитические сеансы со мной или с тем, кого я назначу.

Вот здесь-то, Маша, вы мне и понадобится. Вышло так, что я оказался для него вестником дурных новостей, поэтому мое появление в палате его, мягко говоря, фрустрирует. Признаться честно: наш контакт не сложился. Однако, и это может сыграть нам на руку – пациент реагирует на меня излишне эмоционально, порой даже агрессивно, мы сможем использовать это в нужный момент в качестве дестабилизации, если Аксенов замкнется в себе.

Но начинать надо с мягких методов, и здесь, Маша, вы для меня бесценны. Вы знаете его истинный характер, изучили, насколько смогли, его историю. Вы уже однажды достигли контакта с ним. И, наконец, вы женщина, и, в данном случае, это само по себе уже существенный козырь.

Я подпущу вас к нему, и, полагаю, после напряженного общения со мной ваше появление для него станет поистине облегчением.

Но будьте осторожны, Маша, он обожает женщин и умеет ими управлять. Не позволяйте ему руководить ситуацией. Помните: он потерян, напуган и готов сотрудничать.

Часть 2 Илья

Глава 10

Если изучать изо дня в день паутину трещин на потолке, то со временем она превратится из уродливого унылого признака ветхости в таинственную зашифрованную стенопись. С каждым днем я открывал все новые и новые фрагменты послания, предназначенного как будто непосредственно мне.

Иногда я думал, что вижу собственную кардиограмму, и это знак, некий символ, ключ к тому, что мне необходимо разгадать. Порой я был уверен, что это данные полиграфа, детектора лжи, который безошибочно сообщал мне, кто из моих посетителей меня обманывал. Но я сверялся с потолком лишь для забавы, ведь я и без него знал наверняка, что лгали они все до единого.

Ладно, Аня - она не умела врать. Она так красноречиво отводила глаза, всякий раз, когда отвечала на мои вопросы, что я попросту перестал спрашивать. Или же спрашивал, только чтобы посмотреть, как рдеет ее личико, опускаются пушистой шторкой ресницы, скрывая ее бегающий взгляд. Но за мгновение до того, как она отводила глаза, я успевал заметить, как они темнели: из светло-зеленых, цвета мятного леденца или разбавленного абсента, становились густого темно-серебристого цвета полыни, будто на секунду подергивались льдом, отстранялись, прятались за защитным стеклом.

Это было мое единственное развлечение, оно даже приносило мне своего рода наслаждение, ведь ее ложь была невинна - непосредственна и почти неприкрыта.

Другое дело - ложь врача. Сосунок врал также открыто - он даже не пытался втереться ко мне в доверие, растопить мое сердце, заморочить голову - нет, он пронизывал меня своими ледяными, прозрачными, как слезы, почти бесцветными глазами, и прямо у меня на виду расставлял мне капканы. Словно бы говорил: «Я знаю, что ты не веришь ни единому моему слову, но мне плевать. Куда ты денешься? Видишь? Ты в тупике!». И мне приходилось подыгрывать ему, признавать его правила игры, поскольку я знал: если буду упрямиться, спорить, закатывать истерики, то лишь дам ему повод нацепить на себя смиренную рубашку и посадить под замок, позволю мальцу победить окончательно. Нет уж, сдаваться я не собирался.

Я понял, что здесь я относительно свободен и, в общем-то, мне ничто не угрожает. Я мог перемещаться по больнице и даже гулять по территории (я однажды вышел, меня никто не остановил), и, может быть, только охрана на пропускном пункте преградила бы мне путь. И не мудрено - человека в больничной пижаме вряд ли бы легко выпустили и из самой обыкновенной больницы.

Это же место явно не было обыкновенным, и вот этот факт не нравился мне больше всего. Здесь было полно медперсонала, но пациенты, напротив, попадались чрезвычайно редко: я видел всего двух или трех обритых наголо, сутулых, бледных мужчин с глазами такими пустыми, будто бы мозги их были выпотрошены начисто. Казалось, я могу встать прямо перед лицом у любого из них, и он так и будет смотреть сквозь меня, как через окно, на мир, который ему нисколько не интересен. Спроси я у него хоть что-то, результат получу ровно тот же, как от разговоров со стариком, который сутки или двое пролежал в моей палате: нулевой результат, как будто я разговаривал с трупом.

Как только я понял, что могу, мне тут же расхотелось гулять. Бродить по территории, которая своим заброшенным и унылым видом вызывала во мне еще большую тревогу, почти

депрессию, было для меня непозволительной роскошью. Мне надо было изо всех сил сохранять рассудок, стабильность, не дать себя раскачать, не позволить себе снова скатиться в бездну.

После разговора с Антоном Леонидовичем (я до сих пор невольно криво усмехался всякий раз, называя этого молокососа по имени-отчеству) я уже побывал там - в бездне, на самом дне. Я помню то состояние абсолютной раздавленности, в котором он меня оставил. В ту минуту, я уверен, он думал, что победил меня, я кожей чувствовал его злорадство, его торжество. Его участливый тон, показное сочувствие — все это не обмануло меня ни на йоту. Этому маленькому выродку еще предстояло обломать об меня зубы, он, богом клянусь, не знал, с кем связался!

Сосунок вырвал почву у меня из-под ног, будто бы выбил стул под висельником, но я не доставил ему удовольствие и не повис в петле, я удержался. Хотя, не спорю, я был на грани, чтобы в прямом смысле не воспользоваться удавкой. В одно мгновение я узнал, что ни жены, ни сына у меня больше нет и, если верить пацану, то никогда и не было. Но я не верил. Я понял лишь то, что меня бросили. Что-то случилось, и Надя забрала Славку, все вещи и уехала. Вынуждена была меня оставить. Это было единственное здоровое объяснение.

Их вещи исчезли, и, по несчастливой случайности, отсутствовала какая-либо информация о них в моих документах. Так бывает: стечение неудач, и вот, сложилось, как сложилось.

Только вот, что могло случиться, что могло заставить ее уехать? Это было за пределами моего понимания. Напрашивалась одна мысль: все-таки этот грязный, отвратительный суицид. Она, вероятно, узнала о нем, видимо, все-таки нашла меня уже без сознания в той кроватной ванне и, может быть, даже вызвала скорую. Но не простила. И вот это было вполне в ее духе: расценить мой жалкий побег от проблем, как предательство, и раз и навсегда вычеркнуть меня из своей жизни. И из Славкиной.

Слезы комком подступили к моему горлу, но это были хорошие слезы, они приносили облегчение, избавление. Если все было так (а это было чертовски правдоподобно!), я был кретином, неудачником, но кретином и неудачником, ничуть не хуже, чем миллионы других кретинов и неудачников. Все делают ошибки, и всех бросают. Это нормально и такова жизнь. Ничего не поделаешь, и надо лишь преодолеть кризис и двигаться дальше.

Я почувствовал себя лучше, как-то крепче, во мне были силы все это пережить. Но вот одна мысль ядовитым зловредным червем подтачивала на корню выстроенную мной спасительную конструкцию: Антон Леонидович, этот жалкий сосунок, ведет свою грязную игру и, даже если все мои предположения верны, он придумает, как воткнуть в мою спину нож. Я всем нутром ощущал исходящую от врача угрозу, я чувствовал, что он бесконечно много мне недоговаривает, а еще больше лжет, и, главное, я знал, что он не собирается меня отпускать.

Мои опасения отчасти подтвердились, когда он пришел ко мне в палату, приведя с собой ту женщину. Она держалась за его спиной, не подходила ко мне близко, но я на расстоянии нескольких метров ощущал ее волнение - ее почти лихорадило, лоб блестел, и я даже как будто чувствовал запах ее пота: едва различимый, сладковатый и необъяснимо приятный. На ней были синие брюки из плотной костюмной ткани и белая блузка, в вырезе которой я видел подрагивающие при каждом вдохе острые ключицы. Наверное на меня подействовала общая нервозность ситуации, возможно, сыграла роль неожиданность появления этой женщины, а, может быть, этот запах, но я помню, как мое зрение странным образом обострилось, я различил родинку под ее левым ухом, тоненькую серебряную цепочку на ее ключицах и ямочку между ними. Не понимаю почему, но я просто не мог оторвать от этой ямочки глаз.

Я сел в кровати, проглотил слюну и только теперь рассмотрел лицо женщины. По сути, это была совсем молоденькая девушка с короткой стрижкой (чуть пониже ушей), острыми скулами и умными карими глазами. Когда Антон Леонидович сел, она встала за спинкой его стула, как секретарь или даже служанка, скромная спутница, которую этот мерзавец привел, как наложницу, для демонстрации своего превосходства.

Я стиснул зубы, сжал под простыней кулаки и, с трудом оторвав взгляд он незнакомки, заставил себя посмотреть на своего надзирателя (я именно так воспринимал его и тогда, и после, и, черт возьми, я не ошибался, он не лечил меня, он был тюремщиком, который лишь получал наслаждение от осознания своей надо мной власти).

Антон Леонидович выглядел ухоженным и отдохнувшим, он явно не мыл голову под краном в грязном сортире, как я, и он не чувствовал себя униженным, сидя перед незнакомой женщиной в занюханной казенной пижаме. Расцепив кулаки, я кое-как расчесал волосы пятерней, прекрасно осознавая, что этот жалкий жест никоим образом не придаст мне респектабельности.

Между тем, доктор положил ногу на ногу и заговорил:

— Илья Алексеевич, я вижу вы начинаете осваиваться в наших, к сожалению, не самых комфортных условиях, — он с нескрываемой радостью, почти с ликованием оглядел убогую обстановку моей палаты. — Надеюсь, скромность содержания вас не тяготит? Как питание? Устраивает? — Я не удостоил его ответом, и он продолжил: — Я прошу вас простить меня за вынужденную задержку начала наших с вами психоаналитических встреч: мне необходимо было подготовиться и ввести в курс Марию, мою коллегу, которая поможет нам с вами в терапии. Она клинический психолог, практикующий терапевт, и имеет хороший опыт в восстановлении поврежденной памяти. Это то, что нам нужно, не так ли? Я же сам больше специализируюсь в психиатрии пограничных и психотических расстройств. Но мы ведь с вами надеемся, что это не наш случай? — он посмотрел на меня вопросительно, очевидно, ожидая ответа на явно риторический вопрос, тем самым, демонстрируя и мне, и женщине, что я здесь не более, чем дрессированная обезьянка.

Но больше даже не это, а его оскорбительный, насмешливый и в то же время снисходительный тон, будто бы я трехлетка или, напротив, страдающий от глубокой деменции старикашка, заставлял меня еле сдерживаться, чтобы не выбросить вперед заготовленный для удара кулак и разбить ему нос, а после наблюдать, как его кровь растекается по белоснежному халату.

Но я крепился и просто смотрел то на него, то изредка на Марию, игнорируя его идиотские вопросы.

Она молчала, не пыталась никак комментировать слова врача и даже не кивала в знак согласия с его словами. Казалось, она его вообще не слушала. Она глядела на меня, но как-то не пристально, не как на предмет для изучения, интересный механизм или выпотрошенную для анатомических изысканий лягушку. Она смотрела на меня как будто издали — из прошлого или из будущего, будто рассматривала пожелтевшую от времени фотографию. Будто бы она долгие годы не видела меня и теперь смотрела, пытаясь уловить когда-то знакомые черты. И мне подумалось: может быть, я когда-то знал эту женщину и, может быть, даже любил?

Мысль была до смешного абсурдна, и я кашлянул, отгоняя ее от себя, и снова перевел взгляд на ненавистного доктора. Но я не мог сосредоточиться на его лице и словах — я видел его надменную физиономию, слышал его плавную монотонную речь, но не воспринимал ни слова. Он тархтел, как телевизор, который включаешь и про который тут же забываешь, привыкая к его однообразному и скучному бурчанию, или как старый радиоприемник, который вовсе никогда не выключают, но и никто никогда не слушает.

Мне было неинтересно слушать врача, ничего нового он мне не скажет. Но даже если бы я и хотел, я просто не мог вникнуть в его речь. Кое-что меня неизменно отвлекало: присутствие женщины, которая возвышалась над доктором, холодная, как луна, и точно так же далекая, недостижимая и даже как будто ненастоящая. Словно химера.

Мария. Ее имя, почти божественное, даже сакральное, религиозное и в то же время абсолютно земное, только подтверждало мое общее впечатление — что она послана мне свыше, как ангел и или какая-нибудь иная подобная сущность. Но этот ангел совершенно точно состоял

из плоти, я на расстоянии ощущал эту плоть - чувствовал запах и даже различал дорожки вен на ее висках и шее, что просвечивали под ее почти прозрачной кожей.

Мне необходимо было убедиться в этом, коснуться ее хотя бы кончиками пальцев, почувствовать кожей ее кожу.

Я был готов сорваться с места и подойти к ней. И я бы сделал это, не будь врача рядом, коснулся бы запястьем ее запястья. Она бы мне позволила. Я это знал, мог побиться об заклад. Мое чутье меня еще не подводило.

Но врач сидел между нами, разделял нас, как стена, тюремная решетка. И мне оставалось только крепче сжать кулаки.

Но я и это вытерплю, не впервой.

Глава 11

Мария пришла ко мне на следующий день. Сначала осторожно постучала, даже, скорее, поскреблась, как мышка, коготками о дверь, затем робко заглянула и вошла. Увидев меня, она замерла, остановилась прямо у двери и застыла, как статуя, будто язык проглотила.

Я не удивился ее поведению, напротив, был даже удовлетворен, ведь именно на такую реакцию я и рассчитывал. Я подготовился к ее приходу. Вчера я лежал в смятой постели – всклокоченный, растерянный, вспотевший, в несвежей пижаме и с расшатанными нервами. Сегодня я встретил ее стоя, я был чист, свеж и причесан. Моя постель была тщательно заправлена, на мне была накрахмаленная, идеально белая пижама (пришлось с самого утра разыскать сестру-хозяйку и уговорить ее потрясти запасы), а у окна стояли два стула, приготовленные мной заранее для беседы на равных.

Услышав ее тихий стук, я дождался, пока Мария войдет и только потом обернулся. Я хотел дать ей время оценить обстановку, почувствовать, что с сегодняшнего дня все будет по-другому. Приглашающим жестом я указал ей на стул.

Мария медленно приблизилась и встала за спинкой у предложенного мной стула. Она смотрела прямо на меня. Лицо ее не выражало ни страха, ни тревоги, ни любопытства: профессиональная непроницаемая маска психолога.

Я возвышался над ней, теперь, когда она подошла близко, казалось, я вдвое крупнее. Мне не хотелось садиться, мне давно не было так комфортно. Но Мария села, и оставаться стоять уже было бы невежливо. Я опустил голову напротив нее.

Усевшись, я оказался на три четверти отвернутым от окна, и скудный солнечный свет освещал лишь край моего лица (я чувствовал слабое тепло на скуле), а почти все мое тело оставалось в тени. Мария, наоборот, оказалась буквально подставлена свету. В мою палату его проникало совсем немного, но в ту минуту весь свет достался только ей.

Сегодня она выглядела иначе: на плечах болтался белый халат, который был ей явно велик, под ним виднелись скромный серый свитер и прямые джинсы. Волосы были заправлены за уши, а пальцы сжимали пластиковую канцелярскую папку.

Мария положила папку на колени и, выпрямившись, подвинулась на кончик стула. Незаметно выдохнув, она заговорила, начав, очевидно, с заранее заготовленных фраз:

— Илья Алексеевич, Антон Леонидович вкратце ввел меня в суть вашего дела и объяснил всю необычность и затруднительность вашего положения. Но я, как любезно рекомендовал меня Антон Леонидович, специализируюсь на памяти, и передо мной поставлена весьма конкретная задача – помочь вам в восстановлении вашей личной истории. Поэтому... – тут она внезапно запнулась, как будто сбилась и заговорила снова уже не так быстро и ладно, а как бы заново подбирая слова: — Поэтому я предлагаю вам не фиксироваться на настоящем... Понимаете? Мы с вами постараемся как бы абстрагироваться от текущей ситуации, от всего, что ввергает вас в состояние стресса и создает ненужное напряжение... То есть... Я не соби-

раюсь вас допрашивать, — она неловко улыбнулась, — или пытаться докопаться до какой бы то ни было истины... Я лишь хочу помочь вам собрать по крупицам все, что вы знаете о себе. И... я на вашей стороне.

Она остановилась и посмотрела на меня. До того, всякий раз, когда сбивалась или делала паузы, она невольно отводила глаза и словно бы собирала по углам комнаты силы, чтобы вновь обратить свой взор на меня. И сейчас она глядела прямо мне в глаза и, слегка улыбнувшись, закончила:

— Давайте попробуем начать все с чистого листа, забыть, что мы в больничных стенах и про те печальные обстоятельства, что привели вас сюда? И давайте заново познакомимся? Меня зовут Мария. Но вы можете называть меня Машей, — она снова робко улыбнулась, — Я могу звать вас Ильей?

Сейчас в солнечном свете ее глаза казались совсем светлыми, цвета некрепкого чая, а лицо выглядело по-детски круглым. Мне вдруг пришло в голову, что ее смущение и даже некоторая растерянность вызваны тем, что она вот так сидит передо мной вся на свету, а я словно бы скрыт в тени, что от этого она чувствует себя неловко, и ей будто бы даже немного боязно.

Повинуясь внезапному порыву, я обхватил спинку ее стула руками с двух сторон и передвинул Марию вместе со стулом поближе к окну так, что теперь мы сидели с ней оба в пол оборота к свету и в равной степени были отлично освещены.

Стоило мне приблизиться к Маше и взять руками ее стул, я заметил, как она перестала дышать. На мгновение она побледнела, даже, скорее, побелела, как полотно, а в глазах ее мелькнула паника. Стремясь, как можно быстрее стереть возникшую неловкость, я широко улыбнулся и, наклонившись, взял ее руки в свои.

— Вам меня было совсем не видно, ведь так? Сейчас намного лучше?

От моего прикосновения она снова будто окаменела. Ее пальцы, мягкие, гладкие, но пугающе ледяные, моментально выскользнули из моих рук (а ведь я лишь хотел поддержать, как-то приободрить ее!). Опустив глаза и отвернув лицо к двери, она отодвинулась вместе со стулом на несколько сантиметров от меня. Словно бы овладев собой, она снова подняла на меня глаза с вежливой улыбкой.

— Да, спасибо, так лучше, — произнесла она хрипловато и опустила глаза в пол.

Я чувствовал, что все испортил! Она сжалась в таком ужасе, будто бы я позволил себе нечто крайне неподобающее! Но с каких пор нам запрещено даже касаться друг друга? Или мерзавец Антон ей что-то про меня наплел?!

Стремясь подавить в себе приступ ярости, я поднялся со своего стула и подошел ко второму окну, оставив ее таким образом наедине с собой.

Я был в больнице, в расстроенных чувствах, с отшибленной памятью! Пусть я был неловок, но это был явно не повод шарахаться от меня с таким испугом!

Тут я услышал за своей спиной ее голос:

— Давайте обсудим условия нашей работы, Илья Алексеевич? Вы – пациент, я – терапевт, и нам нельзя пересекать невидимую черту между нами. Это называется границы, и они необходимы для успешной терапии.

Я повернулся, встал, скрестив руки на груди, и сказал, глядя на нее сверху вниз:

— И что же, даже рукопожатия неприемлемы?

— Даже рукопожатия.

Она смотрела на меня строгим и в то же время как будто извиняющимся взглядом, будто она досадовала на саму себя. Вид у нее был трогательный, но вместе с тем какой-то совершенно дурацкий, словно бы она была здесь не на своем месте, не знала, как себя вести и что делать. Мне казалось, что теперь не я, а она готова провалиться сквозь землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.